

ΒΑΠΤΙΣΜ

ВАГИФ

7-631663

ВАГИФ

Лирика

Перевод
с азербайджанского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

Составление
И. БАДАЛБЕЙЛИ

Вступительная статья
А. ШАРИФА

Оформление художника
Ю. БАЖАНОВА

В 4702060100-399
028(01)-88 97-87

ISBN 5-280-00475-8

© Состав, оформление. Издательство
«Художественная
литература», 1988 г.

ПЕВЕЦ ЛЮБВИ, ПЕВЕЦ ЖИЗНИ

Молла-Панах, вошедший в историю азербайджанской литературы под псевдонимом Вагиф (Сведущий), жил и творил в XVIII веке, когда народ Азербайджана вынужден был вместе со своими ближайшими соседями — грузинским и армянским народами — вести длительную кровавую борьбу с иноземными захватчиками: шахским Ираном и султанской Турцией.

Время рождения Вагифа принято относить к 1717 году. Родился он в селении Салахлы нынешнего Казахского района Азербайджанской ССР. В детстве ему удалось выучиться грамоте, познакомиться с персидским и арабским языками, окончить медресе — мусульманское духовное училище. Слушая песни народных певцов-ашугов, которыми славилась его родина, Вагиф уже в юные годы научился играть на сазе и слагать песни.

В пятидесятых годах XVIII века Вагиф переехал в Карабахское ханство и жил вначале в селении Тертербасар, а затем обосновался в столице ханства — городе-крепости Шуше. В Карабахе Вагиф открыл школу, где обучал детей грамоте, и был прозван моллой, то есть учителем.

Здесь, в Шуше, Вагиф прославился своими замечательными стихами, которые распевались ашугами на народных праздниках и торжественных собраниях. По свидетельствам некоторых исследователей, Вагиф был хорошо осведомлен в астрономии, математике, архитектуре, — он лично руководил строительством в Шуше ханских дворцов и крепостных стен. Про Вагифа сложилась даже поговорка: «Не всякий грамотей может стать Молла-Панахом».

Карабахским ханством управлял тогда Ибрагим-Халил-хан, продолжавший борьбу своего отца Панах-хана за создание сильного, независимого от Ирана государства и ориентировавшийся в своей внешней политике на Россию.

Слава об учености и поэтическом даре Вагифа проникла и в ханский дворец; Ибрагим-Халил-хан, большой ценитель поэзии, приблизил поэта к себе и впоследствии назначил своим везиром.

На посту везира Карабахского ханства Вагиф проявил себя незаурядным государственным деятелем, мудрым и дальновидным политиком.

По инициативе и при непосредственном участии Вагифа был заключен союз между Карабахским ханством и Грузией, куда Вагиф ездил в качестве главы карабахского посольства. Военно-оборонительные союзы были заключены также с Эриванским, Тальшским и другими азербайджанскими ханствами. Много сделал Вагиф и для установления и укрепления политических связей между Карабахом и Россией.

Благодаря военно-оборонительным союзам и активной помощи соседних народов поход иранского шаха Ага-Мухаммеда Каджара на Карабах в 1795 году закончился неудачей.

В дни осады Шуши придворный поэт шаха Каджара написал по приказу своего повелителя двустишие и, обыгрывая название крепости Шуша, что означает — стекло, издевался над защитниками осажденной столицы:

Безумец! Град камней летит с небес,
А ты в стеклянных стенах ждешь чудес.

Двустишие это, привязанное к стреле, воины иранского завоевателя забросили в лагерь осажденных.

Вагиф ответил на вызов врага двустишием также на персидском языке:

Меня стеклом создатель окружил,
Но в крепкий камень он стекло вложил.

В марте 1797 года шах Каджар вторично напал на Карабах. Ибрагим-Халил-хан бежал из Шуши; измученный войнами и

последовавшим затем неурожаем и голодом народ оказался не в силах сопротивляться — грабительская армия Каджара ворвалась в Шушу. Захватив столицу ханства, шах приказал заточить в темницу всех сторонников и приближенных Ибрагим-Халил-хана. Среди заключенных оказался и Вагиф. Поэта ожидала смерть, но накануне дня казни придворные шаха Каджара, возмущившись его нечеловеческой жестокостью, убили своего повелителя. Восставшим народом Вагиф был выпущен из темницы.

Воспользовавшись моментом, власть в Шуше захватил племянник Ибрагим-Халил-хана Мамед-бек Джеваншир и, чтобы обезопасить себя от возможного сопротивления сторонников дяди, заточил престарелого Вагифа и его сына, поэта Али-бека, в темницу, а вскоре казнил их обоих.

Народ, видевший в Вагифе не только национального поэта, но и государственного деятеля, мужественного борца за свободу и независимость своей родины, сохранил его могилу и чтит ее как святыню.

Враги великого поэта, казнив его, подвергли разгрому дом Вагифа, уничтожили его рукописи. Любителям азербайджанской поэзии пришлось записывать стихи, сохранившиеся в памяти современников Вагифа, или собирать разрозненные листки с записью его стихотворений...

* * *

Наряду с поэзией классических форм, вершиной которой в Азербайджане было творчество устада (учителя) поэтов, крупнейшего лирика Мухаммеда Физули (1494—1556), в XVIII веке бурно развивалась и наиболее близкая к устному народному творчеству поэзия ашугов — певцов-импровизаторов. Ярким представителем ашугской лиры является Молла-Панах Вагиф.

Вагиф принес в азербайджанскую поэзию элементы реализма, который с середины XIX века, после появления драматических и прозаических произведений М.-Ф. Ахундова, стал господствующим творческим методом во всех родах и жанрах азербайджанской литературы.

Своими превосходными мухаммасами, газелями и другими традиционными для восточной поэзии формами Вагиф отдал дань поэтической школе Физули, но преобладающее место в его творчестве заняла гошма — народная поэтическая форма.

Наибольший интерес представляют те стихотворения Вагифа, где словарь упрощен и приближен к народно-разговорной речи, а поэтическая ткань стихотворений и выразительные средства их тесно связаны с конкретной действительностью, с окружающим поэта миром. Отсюда и предельная ясность его образов, правдивость его чувств, точность и выразительность его поэтического языка.

Вместо неземной, идеальной любви, стоявшей в центре внимания классических поэтов средневековья, Вагиф воспел горячие и живые чувства, простые радости любви.

Всю лирику Вагифа пронизывает чисто языческое восприятие мира, преклонение перед физической красотой, привязанность к земле, жажда радости и наслаждения жизнью.

Пусть рухнет дом, в котором красавиц нет,
Пусть будет ураганом он разнесен!—

воскликает поэт, поклонник совершенной красоты, певец чувственной любви и радостей жизни. Вместе с тем поэт сознает и подчеркивает большую ответственность, которую возлагает на человека благородное чувство любви:

Легкомысленно и стыдно увлекаться первой встречной
И мечтою к ней стремиться, обо всем забыв беспечно.
Ты одну любить обязан целомудренно и вечно...

Воспетые Вагифом азербайджанские женщины пленяют не только внешней красотой, перед которой поэт благоговейно склоняет голову, но и умом, целомудрием, добротой, благородством, остроумием.

Женщине, обладающей высокими нравственными качествами, не страшно даже разрушительное влияние времени:

Женщина, что сердцем хороша,—
Век пройдет,— она бледней не станет.
Если, словно лал, светла душа,
От невзгод она темней не станет.

При кажущемся на первый взгляд однообразии содержания и формы любовной лирики Вагифа стихотворения его отличаются неисчерпаемым разнообразием оттенков выраженных в них чувств, дум, желаний.

В любовной лирике Вагифа значительное место занимает мухаммас, посвященный молодой грузинке, выходящей из церкви. Зная о пропасти, которая в сознании фанатиков отделяет приверженцев разных религий — христиан и мусульман, поэт восстает против самой религии, восстает против исламского пророка Мухаммеда и его учения, внушающего «правовверным» отвращение и ненависть к миру немусульман. Поэт выражает готовность, подобно легендарному Шейху-Санану, отказаться от ислама, отречься от всего, что принято считать священным, ради любви к красавице христианке.

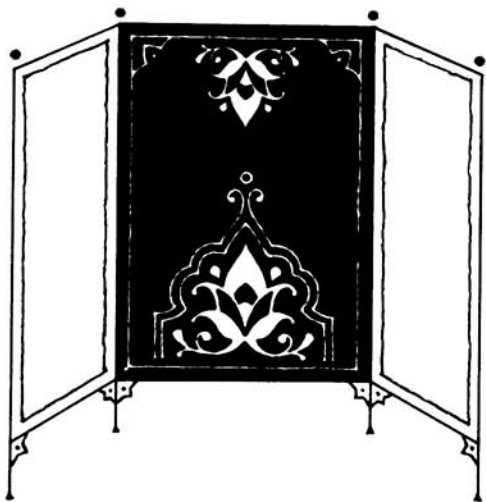
Я, Вагиф, увидав ее взор и пленительный стан,
Позабыл про минбар и михраб, веру всех мусульман.
Лишь теперь понял я, что случилось с тобой, Шейх-Санан.
Иль Тифлис затоплю я слезами, тоской обуян,
Иль она для меня, влюблена, тихо выйдет из церкви...

Любовная тематика представлена в поэзии Вагифа чрезвычайно широко, но ею, однако, не исчерпывается все содержание лирики поэта. Среди дошедших до нас стихотворений имеются многие, исполненные философских раздумий, пронизанные гражданскими мотивами. Таков, в частности, потрясающий силой отрицания мухаммас «Я правду искал, но правды снова и снова нет...», написанный в ожидании казни, которую готовил поэту Мамед-бек Джеваншир.

Особое место в творчестве Вагифа занимают стихотворения о Грузии. В приподнято-торжественных мухаммасах дается яркое описание Тифлиса, который произвел на поэта

FOIIMA

* * *

Ножи ресниц вонзая нам в сердца,
Исторгла слез и крови ты поток.
За взгляд хмельной, за лунный блеск лица,
Красавица, я жизнь отдать бы мог.

Чело твое всегда озарено,
А вокруг него от локонов темно.
Две пряди, как фиалки все равно,
Благоухают возле свежих щек.

Кропишь ты кудри розовой водой.
Ста жизнью стоит каждый локон твой.
В строй ангелы встают перед тобой,
Гьлманы жаждут свой найти порог.

Вагиф во власти вечной маеты,
Жизнь отнимают милые черты,
Ах, счастлив раб царицы красоты,—
Он служит ей, он вхож в ее чертог.

* * *

Бродя в саду, в тоске изнемогая,
Увидел меж цветов я двух подруг.
Одна — дитя, обручена другая.
Я жизнь отдать готов за этих двух.

Невеста моет щеки в водопаде.
«Уйдем, — подруга шепчет, — бога ради!»
Едва дышу, таясь в своей засаде.
Я жизнь отдать готов за этих двух.

На платье младшей в два ряда застежка,
На вороте у обрученной — брошка.
Хваля их, я придвинулся немножко, —
Я все готов отдать за этих двух.

Найти б слова прославить их проказы,
Привлечь бы мне сердца обеих сразу.
Вагиф не прочь иметь четыре глаза, —
Он век смотреть готов на этих двух.

* * *

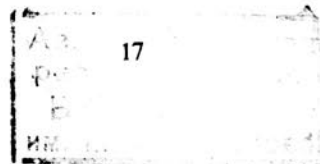
Я душу за тебя отдать бы рад,
Теперь иди к любимой, шамама.
Ты, свежая, похожа на гранат,
Что на груди любимой, шамама.

Вся ты нежна, как розы лепесток,
Сильней благоухаешь, чем цветок.
Как я, ты пожелтела... Иль жесток
Твой рок неотвратимый, шамама?

Да, спору нет, ты прелести полна,
Но шамама любимой — как весна.
Смутишься ты, чуть выглянет она:
В ней скрыт огонь незримый, шамама.

Ведь шамама любимой — сахар, мед.
Пусть даже ангел взглянет — он поймет:
Бела, как мрамор, в плен сердца берет, —
Она неповторима, шамама.

Едва сквозь ткань покажется на миг,
Теряют разум юный и старик,
Вагиф же плачет, — рок его настиг, —
Спасется ль он, гонимый, шамама?

* * *

Если бы в укромном уголке
Довелось побыть вдвоем с тобою!
Сердце к сердцу и рука в руке,
Пламенеть одним огнем с тобою!

Мне в глаза твои когда б нибудь
Взором затуманенным взглянуть!
Пусть неразделимо, грудь о грудь,
Мы сердца свои сольем с тобою!

Блеску темных глаз идет сурьма!
Звезды тем светлей, чем глубже тьма,
Недругов да поразит чума!
Не таясь, гулять пойдем с тобою.

В сладостной полночной тишине
Ты склонись доверчиво ко мне.
До рассвета, позабыв о сне,
Ночь в блаженстве проведем с тобою.

Милая, ответа ждет Вагиф.
Ты доверься мне, лицо открыв.
Буду счастлив я, доколе жив,
Упоенный забытьем с тобою.

* * *

Наплачетесь, глаза, в разлуке с милой.
Кому-нибудь пожалуйтесть хотя бы!
Угаснете, глаза, в тоске постылой...
Приют твой для меня светлей Каабы.

Тебе для чарованья, дорогая,
Дана сладкоречивость попугая.
Разлука изведет меня, сжигая.
Пред ней мученья преисподней слабы.

Твой соловей скитается, тоскуя,—
Вагиф твой болен жаждой поцелуя.
О боже, милую храни, молю я,
Чтобы от порчи блекнуть не могла бы!

* * *

Не налюбуюсь красотой твоей.
Всю жизнь мою одной тебе отдам я.
Мой храм — под сводами твоих бровей,
Забыв коран, молюсь твоим дарам я.

По совести сказать — подобной нет.
Ни в ком не узнаю твоих примет.
Ты ангелов затмишь, мой райский свет.
С другой тебя равнять почту за срам я.

Твоей красой нельзя пресытить взор,
Нельзя прервать сердечный разговор.
Весь век смотрел бы на тебя в упор
И не дыша внимал твоим речам я!

Люблю глаза, темненные сурьмой,
И эти косы, спорящие с тьмой...
За что отвергла жаркий трепет мой!
Не причислял тебя к моим врагам я.

Красавица добрее быть должна.
Пусть изберет достойного она.
Глушом не будешь ты оценена,
А что Вагиф оценит — знаю сам я.

* * *

Душистые, нежные кудри твои
Рассыпались черной волной, Фатима.
Зачем насурьмила хмельные глаза?
Взгляни, я и так чуть живой, Фатима.

Влюблен я в лукавые кольца кудрей,
Влюблен я в румянец, зари розовой.
Сокровища мира возьми поскорей,
Но только останься со мной, Фатима!

За твой волосок, за единый твой взгляд
Отдам без раздумья Китай и Багдад.
Пусть стрелы-ресницы мне сердце пронзят,—
Любуюсь жестокой игрой, Фатима.

Ты бровью играешь, как ты хороша!
Молчу, потрясенный, стою не дыша.
Но горем объят я, в смятенье душа —
Мой дом обошла стороной Фатима.

Я таю, огонь меня сушит, внемли!
Я больше не в силах глядеть издали,
Я ангелов проклял... Сын грешной земли,
Влюбленный Вагиф пред тобой, Фатима.

* * *

Красотка, чьи кудри, как перья, легки,
В своем цветнике собирает фиалки.
Пучок их приколот у края щеки,
И в каждой руке расцветают фиалки.

Струятся потоки волос завитых;
Бродягою станет увидевший их.
Красотка сто кос заплетает тугих
И в каждую косу вплетает фиалки.

Ей только пошел восемнадцатый год,
Но слава о ней обошла весь народ.
Прислушайтесь — милой встречая приход,
Ликуя, в горах запевают фиалки.

Ах, грудь обнажи, рукава засучи;
Чтоб враг не увидел, ты час улучи.
Фиалок ты с ним не срывай, не ищи, —
Под взглядом его увядают фиалки.

Когда ты проходишь, лицо приоткрыв,
Теряю терпенье, жжет страсти порыв.
Знай, если красавицу славит Вагиф,
Он прежде всего прославляет фиалки.

* * *

Женщина, что сердцем хороша, —
Век пройдет, — она бледней не станет.
Если, словно лал, светла душа,
От невзгод она темней не станет.

Благородной красота верна,
Стройная, — не сгорбится она.
Если добротой одарена,
Не изменит, холодней не станет.

Кровь ее девически чиста.
Ярче свежих роз ее уста.
Стрел острее ресницы... Лет до ста
Ранящая сталь слабей не станет.

Страшно ль совершенной жить сто лет!
Пусть уже в движеньях силы нет,
Но в глазах горит все тот же свет.
Обаянья меньше в ней не станет.

Истинное счастье, — не забудь, —
В той, что знает страсти скорбный путь.
К девушкам, Вагиф, не надо льнуть,
А не то спокойных дней не станет.

* * *

В разлуке с милою томлюсь давно.
Взглянуть, как боль моя сильна,— пришла бы!
Узнать, как сердцу горькому темно,
Любовь моя, моя луна,— пришла бы!

Не видя розы пламенной моей,
Я плачу, безутешный соловей.
Я болен, но не надобно врачей,
Лишь та, что исцелить должна,— пришла бы!

День ото дня все глубже мой недуг.
Друзья и недруги — толпой вокруг.
Лишь ей меня проведать недосуг.
Хоть жалостью привлечена,— пришла бы!

Весь край мои стенанья потрясут,
Как будто наступает Страшный суд.
Ах, если б хоть на несколько минут,
Моей тоской поражена,— пришла бы!

Средь тысячи красавиц я угрюм,
Им не рассеять безнадежных дум.
Поверженный Вагиф зовет ханум,—
Беднягу навестить она пришла бы!

* * *

Из бутона юной розы сотворил тебя аллах.
Ароматом пряной амбры звенья кос напоены.
Видя лик твой совершенный, пали смертные во прах,
Даже гурии с тобою состязаться не вольны.

Живописец вдохновенный, создававший образ твой,
Засветил под нежной кожей свет восхода огневой.
Брови — выгнутые луки над незримой тетивой,
Вниз опущены ресницы — словно ночь, они темны.

И безжалостной рукою кудри заплетя в аркан,
Он связал концами косы, скрыв от взоров гибкий стан.
Ах, зачем устам румяным дивный вкус шербета дан,—
От улыбки уст медвяных все сердца опьянены.

И тобой любуюсь втайне, не жалел творец щедрот,
Небожители спустились на тебя взглянуть с высот,—
Видеть розовое тело, двух бровей крылатый взлет,
Грудь, подобную жасмину, небывалой белизны.

Будь ко мне великодушна, кротче всех земных цариц!
Вкруг тебя льстецы толпятся, ты не поднимай ресниц.
Вознеси хвалу аллаху — сам Вагиф склонился ниц,
Став твоим рабом ничтожным... Дни его тобой полны.

* * *

Сгорела вера — нет ее во мне:
Такой огонь прекрасной дан, эфенди.
Гореть не пожелаю в том огне
Я никому из мусульман, эфенди.

Дышать мне с каждым новым днем трудней,
И с каждым днем печаль моя сильней.
Чуть вспомню рот ее — мне все больней,—
Кровавый предо мной туман, эфенди.

В недобрый час я на гору взошел.
Познал тогда я худшее из зол:
Тюльпан ее лица украсил дол...
Разлуки проклял я обман, эфенди.

Молла, устав наш в книге прочитав,
Сказал, что я был в горести не прав.
Вагиф, что не сумел сломить свой нрав,
Да будет горем обуян, эфенди.

* * *

С тех пор как образ твой с моих сокрылся глаз,—
Не мил мне свет, мой взор тоской мутится, пери!
Лишь только стройный стан я вспомню, как тотчас
Кровавых слез поток уже струится, пери!

Пусть сотни ангелов, гьлманов нежных рой,
Красавиц хоровод, чаруя красотой,
Виденьем сладостным кружат предо мной,—
К ним сердце никогда не обратится, пери!

С тех пор как ты ушла,— так часто плачу я!
Жду смерти и в слезах дни скорби трачу я,
Рыдаю о тебе, не жду удачи я,
И стон мой к небесам летит как птица, пери!

Душа в сожженный сад превращена моя,
Мечта в развалин ряд превращена моя,—
Вся жизнь разлукой в ад превращена моя,—
Приди — и в рай она вновь превратится, пери!

Увижу я как лук изогнутую бровь,
И стрелы глаз твоих пронзят мне сердце вновь!
Да охранит от бед тебя моя любовь!
К Вагифу снизойди, души царица, пери!

* * *

Чужими друг другу мы стали давно.
При встрече мы слов не нашли и расстались,
Нам втайне терпеть нашу боль суждено,
Друг к другу на миг подошли и расстались.

Чужие, от встреч мы не ждем ничего,
Давно не кружусь вокруг лица твоего.
Мы шли на огонь, но, достигнув его,
Одежды лишь край подожгли и расстались.

Мы пробыли только мгновенье вдвоем,
Не дрогнув, не вспыхнув любовным огнем.
Сердце не согрев, мы в упорстве своем
Обиды простить не смогли и расстались.

Порвали мы дружбу, терзанья терпя,
Не выдали горя мы души скрепя,
Так, птицу души отпугнув от себя,
В молчанье глаза отвели и расстались.

Любовь обернулась Вагифу во зло.
Напрасны мученья. Все прахом пошло.
Сойдясь, не открыли, как нам тяжело
Век жить друг от друга вдали, и расстались.

* * *

Мне красавиц таких не видать во сне,
Не знавать мне очей горячей твоих.
Розы щек пламенеют, и в сердце мне
Веет свежим жасмином кудрей твоих.

Как идет блеску плеч темнота волос!
Возле гибкого стана — струенье кос.
Ярче мрамора грудь, ярче белых роз.
Есть ли руки на свете нежней твоих!

Не могу от возлюбленной глаз отвести.
Рот твой розой назвать — велика ли честь!
Соловью не звенеть и цветам не цвести
Горячее счастливых речей твоих.

О насильница нежная, злой палач!
Жалоб сердца не скрою, хоть в землю прячь.
Нашим недругам любо, а мне — хоть плачь.
Не жалеешь заветных друзей твоих!

Ты не мучай Вагифа разлукой злой.
Ты забудь, что налгал тебе недруг мой.
Не сумеет тебя оценить другой.
Не гони ты меня от дверей твоих!

* * *

Скажи мне, ветер предрассветный, та,
Что вся румянцем залита, придет?
Та, от которой в сердце пустота,
И боль, и кровь, и пламя,— та придет?

Та, брови подчернившая сурьмой,
Та, в родинках, лукавая, ногой
Поправшая меня и мой покой,
Та, милая моя мечта, придет?

Моления возношу я небесам,—
Соперник мой пусть не мешает нам.
К благословенным маленьким ушам
Мой вздох, обжегший мне уста, придет?

Ресницы глаз моих острее стрел.
Соперника я взором сжечь хотел.
Нет, он как камень, нет, он не сгорел.
Ужель измены чернота придет?

Увы, Вагиф безумьем одержим.
Где разум мой? Я распрощался с ним.
Да разве к тем, кто страстью так томим,
Ума бывшая острота придет?

* * *

В жгучих пытках душе все больней и больней.
Где ж твое милосердье, моя дорогая?
День настанет— услышишь о смерти моей.
Я погибну, отчаяньем сердце сжигая.

Что владычице надобно,— я не пойму.
Обреченного мучишь, ввергая во тьму.
А не лучше ли быть справедливой к нему.
Не томить, не чуждаться, мольбы отвергая?

На уме у красавиц— причуды одни.
Чаровницы,— живут лишь собою они.
Горделивую голову кротко склони,
Не кичись, покоренное сердце пугая!

Неужели надменность— сестра красоты?
Лить кровавые слезы заставила ты.
Я повержен, дошедши до крайней черты.
Сжался, сжался, несчастному встать помогая!

Доведется ль когда-нибудь мне увидеть
Ту, что жизнь за Вагифа готова отдать?
Милосердной красавице жертвою стать,
Умереть за любимую— участь благая!

* * *

Скажи, чем обидел любимую я?
Мы средство найти примиренья должны.
Вдвоем отправляясь в дорогу, друзья
Отбросить свои подозренья должны.

Что мог передать бессердечный злодей
Обидное доброй подруге моей?
Я с радостью жизнь свою отдал бы ей.
Мы выказать оба смиренье должны.

Окутан весь стан ее красным платком,
Подол золотым изукрашен шитьем.
Мы, деву увидев в наряде таком,
Мгновенно сгореть в восхищенье должны.

Знай, карими очи обязаны быть
У девы, чьи брови—как черная нить,
И грозди монет ее кудри увить
Как царственное украшенье должны.

Газели Вагифа в тиши прочитав,
Веселые рифмы его перебрал,
Мы, не разбирая, кто прав, кто не прав,
Просить у любимой прощенья должны.

* * *

Едешь в Грузию ты? Есть красавицы там.
Но красавица быть вот какою должна:
Роста среднего, кудри спадают к плечам,
И улыбка лица быть зарею должна.

Щеки розовые, словно маки весной,
Губы алые, словно рубин огневой,
С головы и до ног, словно ландыш лесной,
Вся жемчужной сверкать белизною должна.

За собою следит и нарядна она,
И кокетлива с милым, когда влюблена,
И дыханием нежным и речью—весна,—
Пахнуть, точно фиалка весной, должна.

Ноги стройные, белые, в танце легки.
Удлиненные, узкие кисти руки.
На широком лице нос и губы тонки,
Но приятной манить полнотою должна.

Лет должно быть тринадцать—четырнадцать ей.
Красоты безупречной ресниц и бровей
Недостаточно,—всех своих сверстниц умней,
Отличаться ума остротою должна.

Как павлин, прихорашиваться по утрам
И при этом уметь говорить по душам,
Все понять по намекам, неясным речам—
Угадать твои чувства душою должна.

Правду всю от души напрямик говорить,
Всяким козням чужда, ничего не таить,
Если ж надо, то молча язык прикусить
И стоять, как немая, свечою должна.

Жизнь пройдет, о Вагиф, наслажденья полна,
Без забот, коль найдется такая жена,
И вали очарует собою она,—
Лишь такая стать хана женою должна.

* * *

Пери, к тебе шел я без опаски.
Думал—отрада в доме твоём.
Но не нашлось привета и ласки,
Доброго взгляда в доме твоём.

Злая, меня ты как принимала!
Прочь отошла, но этого мало,—
Скрыла лицо в шелках покрывала,
Гостью не рада в доме твоём.

Слаще шербета нежные речи,
Но не согреты трепетом встречи,
Сердцу сулишь ты злое увечье,
Где же услада в доме твоём!

Неодолимо очарованье.
Сердце томит и будит желанья
Запах фиалок, словно дыханье
Райского сада в доме твоём.

Полно, Вагиф! Не стой у порога.
Разве друзей встречают так строго!
Сердцу скажу, краса-недотрога,
Быть нам не надо в доме твоём!

* * *

При встрече с лунолицой, чьи взоры — свет,
Вокруг нее кружусь я, заморожен.
Пусть рухнет дом, в котором красавиц нет,
Пусть будет ураганом он разнесен!

Когда в окно лениво глядит она,
Вдевая в уши серьги, от сна хмельна,
Чернит сурью брови, душа должна
Сгореть в огне, что пери вновь разожжен.

Когда выходит в гневе к нам из дворца
И кудри буйно пляшут вокруг лица,
Когда приходит в ярость, круша сердца,
Обрушатся пусть вихри со всех сторон.

Вагиф, твое занятие — вздыхать о ней.
Дни недруга да будут ночей темней.
Будь неудачник шахом, будь всех знатней, —
Слугою стать, стать нищим он обречен.

* * *

Темноглазая гонит меня в сердцах:
«Не подмигивай мне, не срами меня!
Здесь догадливых много, подумать страх —
Опозоришь навек пред людьми меня!»

Только вздохи да взгляды — что толку в них!
Ветер кудри отвеял от щек твоих.
Целоваться пора, мир во тьме затих.
Ни к чему тут лукавство — пойми меня!

Заклиная, моля, говорит Вагиф,
Плечи нежные жаркой рукой обвив:
«До притворства ль теперь, я и впрямь чуть жив,
Я сгорю, я умру — обними меня!»

* * *

Где б встретиться с красоткой ни пришлось,
В огне ее, что так слепит и жжет,
Я закружусь, держась за кольца кос,
Затянутый в любви водоворот.

Ценю высоко я лукавый взгляд,
Ручьи волос, что выются и скользят.
Ах, целый век я простоять бы рад,
Пока красотка мимо не пройдет.

Я за разлуку муками плачу,
Она зажгла мечты моей свечу.
Любви недуг лечить я не хочу,
Свалить с себя любви тяжелый гнет.

Я веру, сан сложу к ее ногам,
Почет свой, честь,— останусь нищим сам.
Презрен я буду, если вздох издам,
Когда и жизнь красавица возьмет.

О боже правый, пожалей,— невмочь!
Скажи жестокой, чтоб пришла помочь.
Ах, над землей уже спустилась ночь,—
Под кров Вагифа гостя пусть войдет.

* * *

Не чуждайся меня! Пусть иные болтливы,
Я же, тайну свиданья тая, не таков.
Допустить, чтоб ласкал тебя недруг счастливый,—
Полно, я, дорогая моя, не таков.

Мне бы очи твои видеть ночью и денно,
Мне бы речи твои слышать в неге блаженной,
Это ль солнце-лицо затуманю изменой!—
Я, желая с тобой забытья, не таков.

Знай, вовеки Вагиф не пресытится милой.
Я покину тебя, лишь похищен могилой.
Так зачем же меня избегаешь,— помилуй!
Если есть людоеды, то я— не таков.

* * *

О Сафия, пою — и голос тих,
Как соловей, томимый страхом, стал.
Я гнусь дугою в честь бровей твоих.
Мой стан — серпа застывшим взмахом стал.

Твои слова невольно говорю,
Невидимо, безогненно горю.
Смотрю сквозь слезы на твою зарю...
Морями слез, клянусь аллахом, стал.

Красавица, по саду бродишь ты.
Ах, руки, ноги — белые цветы!
Ты — солнце бесподобной чистоты.
Я пред тобою пылью, прахом стал.

В твоих очах — жестокость палачей.
Не покидай, ведь нет меня верней.
Коль в мире бренном будешь ты моей,
Почудится — я падишахом стал.

Какая прелесть в говоре твоём,
В лукавстве милом, в смехе молодом!
Каабою Вагифу стал твой дом, —
О, наконец-то я дервишем стал!

* * *

Не чванься дивной прелестью своей,
Хоть раз обетам будь верна, любимая.
Возлюбленному ласки не жалея —
Любимым дорожить должна любимая.

Прекрасных пери много видел свет, —
Пусть все придут — тебе подобной нет.
Мед, сахарный сироп или шербет
Не слаще губ твоих вина, любимая.

Обвей лицо густых волос кольцом,
Чтоб восхищались все твоим лицом.
В платке зеленом с розовым концом
Ты будешь как сама весна, любимая.

Лицо твоё — не роза ль без шипов?
Знай, за тебя я жизнь отдать готов.
Не рань меня стрелой жестоких слов —
Испил я чашу мук до дна, любимая.

Столь любящих найдешь ли, как Вагиф?
Что проку? Суд твой все ж несправедлив.
Не мучь меня, лицо свое закрыв.
Помиримся, будь мне верна, любимая.

* * *

Губительным огнем я снова объят,
Разлука насмерть жжет, моя дорогая.
Несбывшихся надежд мучителен гнет,
Душа тебя зовет, моя дорогая.

Как локоны твои блестят чернотой!
Как светел черных глаз отлив золотой!
«Расстаться с милою — проститься с душой», —
Так говорит народ, моя дорогая.

Твой выгоченный стан ни с чем не сравним.
Чье тело красотой сравнится с твоим!
Влюбившийся в тебя, — что станется с ним!
Я гибну от невзгод, моя дорогая.

Я Хадиджой клянусь, клянусь Сакинбой,
Клянусь Хейранисой, клянусь Аминой,
Мединой, Меккою клянусь пред тобой, —
В тоске Вагиф живет, моя дорогая!

* * *

Нежнее ангела, стройней тубы
Возлюбленная, прелесть, гулистан мой!
Твой кров — мой рай, ты — свет моей судьбы,
Блаженство, гурия моя, гылман мой!

Ты — жизнь моя, мой легкий лепесток,
Рубин и яхонт, райский мой цветок,
Таинственное сочетание строк,
Сладчайшая моя, Шекеристан мой.

Твое чело — как лунный полукруг.
Ты солнце, ты — ярко цветущий луг,
Ты сопечальница моя, мой друг,
Красавица, весна моя, тюльпан мой!

Ты — суть моя, ты мой покой, закон,
Мой властелин, мой цезарь, шах и трон.
Хосров мой, — не найдешь тебе имен!
Мой падишах, владыка мой, султан мой!

Ты смех и радость, ты родимый край,
Ты мой жасмин, мой свет, мой сад, мой рай.
Ты мой Восток, Иемен, мой Китай,
Ты Индия моя, мой Рим, Иран мой!

Ты речь моя, мой крик — внемли, внемли!
Желанье, память, цель — всегда вдали.
Зюлейха ты, Ширин, Гюльша, Лейли,
Ты — мой шербет, мой мед, Юсуф-Канан мой.

Подобны косы пламенным лучам.
Во тьме очей твоих мой светлый храм.
Вагиф томится по твоим дарам,
Кааба, и михраб мой, и коран мой!

* * *

Ты вся свежа и ароматна, как цветник.
Ты так стройна и так нежна, моя возлюбленная,
Что если б я, покинув землю, в рай проник,
Его затмила б ты одна, моя возлюбленная.

Покорный раб твоей души — моя душа,
Она как птица рвется вдаль, к тебе спеша.
Чтоб рассказать, как ты мила и хороша,—
Людская речь еще бедна, моя возлюбленная.

Не уходи, не удаляйся от меня,
Не отворачивайся, душу леденя.
И не лишай меня волшебного огня,
Я без тебя не знаю сна, моя возлюбленная.

В тоске и сетованьях дни свои губя,
Румянец щек и пламень губ твоих любя,
Я сам бледнею в ожидании тебя,—
Без ласки жизнь омрачена, моя возлюбленная.

Скорей открой свои пьянящие глаза,
Проникла в сердце безутешная слеза.
Приди, не то испепелит меня гроза,—
Спасти Вагифа ты должна, моя возлюбленная.

* * *

Нет, никому я сердца не отдам,—
Ты власть над ним взяла, любимая.
Что гурия, что ангел, что гылман!—
Красой их превзошла любимая.

Щек розовой не видывал досель,
Завидуй взору чистому, газель,—
Уста—фисташки и глаза—что хмель,—
Прекрасна и мила любимая.

Смеешься, зеркало держа в руке,
Сто тысяч плутней в каждом волоске.
О, смоль кудрей на мраморном виске!—
Ты уточкой была, любимая.

Как тополь, ты стройна и высока,
Грудь широка, лицо нежней цветка,
Платок зеленый, пестрые шелка,—
Ты розой расцвела, любимая.

Твоими косами Вагиф пленен,
Двух луков—двух бровей стал жертвой он;
Знай, я высоким даром наделен,
Я вовсе не молла, любимая.

* * *

Ты снизошла ко мне, мой дом посетила,
И это в первый раз, моя госпожа!
Немного б—и тоска вконец иссушила,
В слезах бы я угас, моя госпожа.

Ты словно свет внесла, я жив, я ликую.
Я пыль твоих дорог влюбленно целую.
Не жалко умереть за гостью такую,
Скажу я без прикрас, моя госпожа.

Лицо твое—луна, а локоны—тучи.
На шаг не отойду, хоть мучай не мучай.
Любуюсь на тебя с отрадою жгучей,
Очарованье глаз, моя госпожа!

Красуешься в шелках—в багряном, в зеленом,
Воспетая в стихах Вагифом влюбленным.
Чем худо, что пришла? Здесь так хорошо нам!
Будь гостьей в добрый час, моя госпожа!

* * *

Разделил прямой пробор волосы твои,
Из-под шали сорвался локонов поток.
Извиваясь, шевелясь, точно хвост змеи,
Высунулся у виска юркий завиток.

От игры твоих бровей в голове туман,—
Ах, на тысячу слонов их тугой аркан,
Блеск в глазах твоих хмельных, в волосах рейхан,
Из-под выреза манит розы лепесток.

Нет подобных совершенств даже в небесах,
Даже ангелов красой ты повергла в прах.
Блеск браслетов золотых на твоих руках
Из-под края рукавов взор к себе привлек.

Где покой, где честь моя? Я попался в сеть.
Ум теряю я, собой не могу владеть,
Если удастся мне тайно разглядеть
Из-под спутанных кудрей очертанья шек.

Написал тебе письмо. Не дошло? Дошло?
Ожидание меня, друг, с ума свело.
Не ответила, молчишь, не пришла назло,
Чтоб избавиться Вагиф от тоски не смог.

* * *

О ты, что так же зла, как хороша,
Есть у тебя хоть капелька стыда?
Где разум твой, скажи мне, где душа?
Не можешь ты не наносить вреда.

Что ж ты бежишь? Почуяла беду?
Стой! Я к тебе за помощью иду.
Неверная, пожар в твоём саду,
Сгоришь ты. Не останется следа.

Ушла, хоть я и не сказал—уйди.
Я ль виноват? Другой? Сама суди.
Не камень ли, скажи, в твоей груди
На месте сердца, не осколок льда?

Будь проклят сад жестокой красоты!
Я в сердце больше не впущу мечты.
Разлуку эту я стерплю. А ты?
Попробуй-ка! Не стерпишь никогда.

Проклятье шлю принесшей столько мук.
Неизлечим, Вагиф, ее недуг.
Жилье неверной пусть обходит друг;
Будь стоек, знай—возврата нет туда.

* * *

Кромка шали, точно алый лепесток,
Прикрывает лучезарное чело.
Возле уха распушился завиток.
Ах, кому бы это так еще пошло?

Вкруг лица обвился пестрых тканей ряд:
Под зеленой и над белой—красный плат.
Калагай она подвинула назад,
Зерна родинок кудрями замело.

Хороша она, как роза в цветнике.
Серп ли вышит или месяц на платке,
Что к румяной прижимается щеке,—
Все равно вокруг нее всегда светло.

Мы давно знакомы с ней, но каждый раз
На друзей красotka смотрит краем глаз,
Прикрывает каждый раз, встречая нас,
Все лицо густою шалью, как назло.

В обращенье обходительна, мила,
Все ж к Вагифу до сих пор не снизошла.
Точно перья из павлиньего крыла,
Левый край платка над правым занесло.

* * *

Попав к любимой, о письмо, со стоном
О том, как друг страдает, ей скажи.
Он—соловей, расставшийся с бутоном,
Тоска его снедает, ей скажи.

Потоком слез ударь ей в сердце с силой,
Стань мотыльком и закружись над милой,
Горя в огне,—спаси его, помилуй,
Иль помощь опоздает!—ей скажи.

Готов я веры за нее лишиться.
В сеть локонов души попалась птица:
Пусть водит гребнем медленно царица,
Пусть кос не расплетает, ей скажи.

Ее краса утроила томленья,
Вагиф Меджнуном стал, нет исцеленья.
К ее стопам в последнем исступленья
Безумец припадает, ей скажи.

* * *

Ради той, чья лесть сладка,
Той, чья в родинках щека,
Чье лицо свежей цветка,
Я лишиться жизни рад.
Ради той, чей нежен рот,
Чьи уста — медовый сот,
Чьи движенья — крыльев взлет, —
Я лишиться жизни рад.

Ради той, с повадкой пав,
Чей приветлив, ласков нрав,
Стан высок и величав,
Взгляд и нежен и лукав,
Той, в чьих косах запах трав,
Тоньше, слаще всех отрав,
Что не мучит, сердце взяв, —
Я лишиться жизни рад.

Ради той, чей нрав жесток,
Той, чей взор убить бы мог,
Той, чьи локоны у щек —
Амброй пахнувший поток;
Той, чей пояс, как вьюнок,
Вкруг прямого стана лег,
Что свежа, как лепесток, —
Я лишиться жизни рад.

Ради той, что, как луна,
Благосклонна и ясна,
Что как солнце создана,

Милосердия полна,
Добротой наделена,
К ангелам приобщена,
Что смирна, верна, нежна, —
Я лишиться жизни рад.

* * *

Ты, стрелы-ресницы мне в сердце вонзив,
Рассталась со мною, любимая.
Укрылась в ответ на мой страстный призыв
Под шалью сквозною, любимая.

Соперника льстивую слушаешь речь,
Со мной избегаешь свиданий и встреч,
Хоть можешь в душе моей пламень разжечь
Улыбкой одною, любимая.

Тебя не увидеть сейчас и тайком.
Не выдашь себя и кудрей завитком.
Лицо и прическу укрыв под платком,
Прошла стороною, любимая.

Кто видел красавицу в мире стройней,
Походку пленительней, взоры нежней?
В печали моих убывающих дней
Казалась луною любимая.

Ты губишь Вагифа, ты зла и горда.
Тебе не наскучило мучить всегда?
Не спросишь, что сделала с другом беда,
Которой виною любимая.

* * *

Искусно подведенные сурьмой,
Все беды мне сулят твои глаза.
В них приговор неотвратимый мой.
Лишают веры, мстят твои глаза.

Лук натянув, пронзили сердце мне,
Став палачами, плоть сожгли в огне.
Я умираю,— все по их вине,
В кромешный ввергли ад твои глаза.

Твой томный взгляд поймать я не посмел,
Теряю силы, горек мой удел.
Берут ресницы сердце на прицел,
Когда бросают взгляд твои глаза.

Ты схожа с розой, стан твой — кипарис.
Отдать бы жизнь за каждый твой каприз!
Твои ресницы в сердце мне впились,
Я ранен, смерть таят твои глаза.

Мысль о тебе со мной, пока я жив.
Ах, пожалей,— ведь при смерти Вагиф;
Прими, как гостя, взор не отвратив,
Пусть, свет даря, глядят твои глаза.

* * *

Нет в тебе недостатков, ты всем хороша.
Хороши непокорные кудри твои.
Воскрешают сердца, ароматом дыша,
Сила в них чудотворная, кудри твои.

Пряный запах рейхана весь мир охватил.
Стал я Шейхом-Сананом, бороться нет сил.
Воли, веры лишили, чтоб свет был не мил,
Завитки непокорные кудри твои.

Если белая к ним прикоснется рука,
Нам покажется, входит луна в облака.
Стали жертвой мы каждой петли-завитка,
Палачи — эти черные кудри твои.

Не смущает их близость блистательных щек,
Подбородок точеный спугнуть их не смог,
Возле родинки вьются, сплетаясь в клубок,
Эти змейки проворные — кудри твои.

Я, Вагиф, наслаждался красой допьяна,
Сердце горем разбито, душа пленена.
Ах, лишили меня и покоя и сна,
Хоть боролся упорно я, — кудри твои.

* * *

О, создавший Мекку и Медину,
Помоги! Огонь в крови Вагифа.
Одержим Вагиф мечтой единой,
На любовь благослови Вагифа.

Между мной и милой встали горы,
Грудь от боли разорвется скоро.
Обратил я вновь к Медине взоры.
Злое горе, не дави Вагифа.

Где уста — Земзем и лик — Кааба,
Все сравненья с дорогою слабы.
Если встречу с ней на миг хотя бы,
В рай, о боже, призови Вагифа.

Восхищает ум ее жестокий,
В родинках индийских шея, щеки.
О палач мой, стройный, хмельноокий,
Злым кокетством не трави Вагифа.

Если встречу сто таких созданий,
Сто маралов, ясноглазых ланей,
Не сравню их с той, что всех желанней,
Той, что стоит всей любви Вагифа.

* * *

Тоской томим, айвы я стал желтей,
Что ж, чернокудрая, казнишь, невеста?
Что для меня возлюбленной милей!
Красой ты сердца воск крушишь, невеста.

Ты красотой пленила вилайет,
Краса твоя причина многих бед,
О, ты б и ангелу затмила свет,
Ты солнце и луну затмишь, невеста.

А только покрывало сбросишь ты,
И просяют мне твои черты.
Ты словно мака ранние цветы,
Как лань, ты по холмам бежишь, невеста.

Стройней и гибче тополя твой стан,
И я при встрече счастьем обуян,
А горести уходят, как туман,—
Восторгом сердце ты живишь, невеста!

Пусть силы добрые тебя хранят,
Пускай пиры красотой твоей блестят,
Сражен Вагиф, он жизнь отдать бы рад,
Чтоб знать, что ты с судьбой дружишь, невеста!

* * *

Опять байрам. В домах — как в цветниках
Сердца красавиц покори сегодня.
Фиалки-кудри поддержи в руках,
По волоску перебери сегодня.

Опять байрам. Ах, только бы дожить.
Чтоб умолить красотку, ублажить,
Чтоб от зари до ночи встречу длить
И снова с ночи до зари — сегодня!

Пора сближений тайных и бесед,
На нежных лицах амбры влажный след.
Пути ведут к подругам, снят запрет.
О месяц, путь к ней озари сегодня.

Смотреть бы всласть, лицо ее открыв,
Щеку к щеке прижать, покамест жив.
Ждет чаровница, трепещи, Вагиф,
Твой час настал, Вагиф, умри сегодня!

* * *

В бездну горя друга ввергла ты, во тьму,
Почему же, изнывая, слезы льешь?
Что ударило по сердцу твоему?
Почему ты, убивая, слезы льешь?

Распушились завитки твоих волос,—
Не от утки ли перо оторвалось?
Век смеяться розе мая в блеске рос,—
Почему, не понимаю, слезы льешь?

Не изменником ли ты меня сочла?
Или шулки оцарапала стрела?
Что же ты глаза от друга отвела?
Почему, о дорогая, слезы льешь?

Ты мне сердце изорвала на куски.
Ах, не плачь, не плачь,— смертелен яд тоски!
Вновь рассмейся! Всем повадкам вопреки
Почему, хмельная, злая, слезы льешь?

О доставившая другу столько мук,
Кто страдает, если рядом верный друг?
Почему ты, насылая злой недуг,—
Говорит Вагиф, рыдая,— слезы льешь?

* * *

Эй вы, посетители свадьбы,— кричу.—
Пусть каждый из вас безмятежно танцует.
Красавицу я называть не хочу,—
Пусть гурия с именем нежным танцует.

Дни нашего счастья подходят к концу.
Мы страждем, хоть это гостям не к лицу.
В ладонях зажала она по кольцу.
Пусть каждый, чья страсть безнадежна, танцует.

Покачиваясь, пусть пройдет она круг,
Ствол тубы не так величав и упруг.
Пусть ценящий дружбу понятливый друг
В круг вступит за ней и прилежно танцует.

Стенает Вагиф, он мучений не снес.
Кровь льется из глаз у него вместо слез.
Пусть та, что свежей нераскрывшихся роз,
Что в бездну влечет неизбежно, танцует.

* * *

Взглянула — и дотла меня сожгла.
О взгляд нарцисса, страшен пламень твой!
Меня забвеньем ты повергла в прах,
Я весь изъеден пламенной тоской.

Жестокая, мне стал врагом твой взгляд,
Он столько раз вливал мне в сердце яд.
Лукавая, то меня ввергала в ад,
То вновь манила ласковой рукой.

Заря надежд вставала впереди —
Я милосердья ждал с тоской в груди.
Но вновь я слышал гневное «Уйди!» —
Вновь ссору затевала ты со мной.

Ты благосклонней некогда была.
С улыбкой легкой мне навстречу шла.
Зачем теперь в тебе так много зла?
Зачем развеяла ты мой покой?

Я был в плену единственной мечты, —
Но нет, не снизошла к Вагифу ты,
Навек ты скрылось, солнце красоты...
За что подвергнут пытке я такой?

* * *

Вокруг лица, подобного луне,
Мглою непроглядной, мраком встали кудри
Как тучи — диск блестящий в вышине,
Твое лицо в объятья взяли кудри.

Под подбородком, около ушей,
Вкруг шеи вьются, точно кольца змей.
Расчесанные, завились пышной,
Сплелись в клубки, затрепетали кудри.

Твой каждый локон амброй окроплен,
Так сладостно благоухает он.
Ах, вырываются со всех сторон,
Как струи плещут из-под шали кудри.

Вовек бы сердце не оторвалось
От пахнущих фиалками волос.
Когда ты кольца расплетаешь кос,
Пьянею я — околдовали кудри.

Основа жизни — каждый волосок.
Вагиф в беде, от страсти изнемог.
Не допускай, чтоб, пенясь, как поток,
К твоим стопам, шурша, упали кудри.

* * *

О красавица, ты дикой розы свежей!
В розу неприхотливую я влюблен.
Будь хоть сотня других рядом с розой моей,—
В розу медоточивую я влюблен!

От зари до зари я томлюсь об одной,
Сердце стонет, и мысли не знаю другой,
Плеч прекрасный овал, уст багрянец и зной,—
В эту сладкоречивую я влюблен!

Нежный персик ланит, стан, что строен и зрел,
Речь, что бисер, и жемчугом рот забелел,
Лани взор под ресницами, полными стрел,—
В саблю-бровь горделивую я влюблен!

В ту, чьи губы—приманчивый, сладостный мед,
В ту, что, словно павлин, нарядившись идет,
В ту, что взор искрометный украдкой мне шлет,—
В эту лань шаловливую я влюблен!

Я прощаюсь с душой, я, Вагиф, изнемог,
Я Меджнун, и разрушен мой пышный чертог,—
В ней и вера моя, и всесильный мой бог,—
Неизменно в красивую я влюблен!

* * *

Я красавицу видел—подобной ей нет,
Всех красавиц вселенной прекрасней она.
Сребролунный струится от щек ее свет,—
В час какой же счастливый она рождена?

Подбородок закрыт белоснежным платком,
Стан прелестный ее в нимтене золотом.
Средь подруг не сравнима ни с кем и ни в чем,
Славы царственных дев и величья полна.

Кудри благоухают и крашены хной.
Я взглянул—к сердцу кровь приливает волной:
Это ангел с небес послан в край наш земной—
Разве смертной подобная прелесть дана?

Как прекрасны запястья и пальцы руки!
Косы вьются, как змеи, длинны и узки.
Смотрит в зеркало—взоры ее глубоки.
Вот проходит, как пери, юна и стройна.

Круто падает локон блестящий с виска,
Белоснежные ноги—как два лепестка.
Станом в меру полна, но легка и тонка...
Не сравнится из дев с ней вовек ни одна.

Мне б увидеть прекрасную наедине,
Чтоб сплелись наши руки в немой тишине,
Чтоб к губам ее алым прильнуть, как во сне,
Чтобы сладостный вкус их изведать до дна.

Девы, будьте утехой для сердца и глаз,
Только помните любящих, помните нас!
А Вагифа мольба — лишь к тебе, мой алмаз,
И да будет звезда твоей жизни ясна.

* * *

Я над Курой не видел чернокудрых.
Прекрасных птичек здесь в помине нет...
Как сокол, сердце рвется к дальним высям,
Без вольных гор не может жить поэт.

Здесь нет шелков на стройном гибком стане,
И грудь мою ничей здесь взор не ранит,
Ничьими чарами я здесь не заарканен,
Сердцам влюбленным здесь ответа нет.

Красавицам не снятся здесь наряды,
Ничуть здесь золотистому не рады,
Здесь кольца локонов, как жданную отраду,
Не встретишь среди девичьих примет.

Моим очам здесь больше нет покоя,
В чужих краях они глядят с тоскою.
Тот, кто лишен любимой злой рукою,
Готов навек проклясть небесный свет.

Пусть спросят у Вагифа, что с ним случилось
И почему в его лице усталость?
Он скажет: сердце, что с мечтой рассталось,
Невольно вянет от жестоких бед!

* * *

О пленительная, ты —
Воплощенье красоты.
Ты смущаешь все цветы,
Совершенств твоих не счесть.
Оттеняет синий шелк
Эти светлые черты.
Это платье из тафты
Сделало б царице честь.

Золотых запястий ряд,
Блеск богатства, славы чад,
Красоты пьянящий яд
Сердце каждого смутят.
Поражает твой наряд,
Твой беду несущий взгляд.
От бровей, что ввергли в ад,
Глаз влюбленных не отвести.

Я избранницей нарек
Ту, чей род, чей сан высок,
Ту, чей тихий смех жесток,
Гневен взгляд — помилуй бог! —
Ту, чьи губы — как цветок,
Подбородок — лепесток,
Чьи уста таят упрек
И кокетливую лесть.

Нет подобной средь людей,
Ты всех ласковей, скромней,
Схожа с ангелом скорей,
Но еще ясней, добрей,

Ах, уста твои — елей,
Нет избранницы милей;
О красе светлей твоей
Не услышать, не прочесть.

Бровь — как лук, а взгляд — стрела, —
Ранишь в грудь из-за угла.
Пред тобой луна тускла,
Закрывает солнце мгла.
Что ж на ту, что так светла,
Всех красою превзошла,
У Вагифа все еще
Столько горьких жалоб есть?

* * *

Задержите в полете удар крыла:
Слово есть у меня для вас, журавли.
Вереница ваша откуда летит?
Начинайте об этом рассказ, журавли.

Очарован вами высокий Багдад,
Он прилету вашему будет рад.
Вы широкими крыльями бейте в лад,
Не роняйте перо в этот раз, журавли.

Я с возлюбленной милой давно разлучен,
Словно бабочка, я красотой сожжен.
Я ищу кареглазую среди жен.
Не видали ль вы этих глаз, журавли?

Полюбил я сурьму этих карих очей.
Пусть не сглазят и в темноте ночей,
Пусть минует вас сокол, глядите зорчей!
Я хочу, чтоб вас случай спас, журавли!

Ваша дикая песня нежна, нежна,
И душа моя радостью обновлена.
И Вагифа душа высоко взметена,
Чтобы вечно лететь возле вас, журавли!

* * *

Точно уточки легки, раз из-за реки
Стаей прибыли в Казах на свиданье девушки.
Дотянули до ушей черточки бровей,
Чтоб побольше причинить нам страданья, девушки.

Ах, у каждой тонкий стан и румяный рот!
Пусть погибнет ради вас весь наш край, весь род.
Вьются локоны вдоль щек, платья отворот
Шеи мраморный открыл очертанья, девушки.

Если глянут краем глаз, знай, прольется кровь.
Ах, у каждой стрелы шлет выгнутая бровь.
Источают мед и хмель губы вновь и вновь.
Завлекают — всем дают обещанья девушки.

Долго мучился Вагиф, пери грудь сожгли,
Обещания сдержать нужным не сочли.
Скрылись, стайкой упорхнув, девушки вдали —
Ах, ушли, не исцелив на прощанье, девушки.

* * *

Из-под вуали глаза уголок
Как будто мимо, будто сонно смотрит.
Меня на гибель этот взгляд обрек,
Так падишах на пленных с трона смотрит.

За день любви сто дней я биться рад.
Пленяет всех глаз подведенных взгляд.
Черным-черно в нем. Но не жди услад
От взгляда той, что непреклонно смотрит.

Лукавая, она порой нежна,
Ведь к ангелам приравнена она,
Еще взглянула,—или то луна
Из темной тучи благосклонно смотрит?

Покрыла ногти тонким слоем хны,
На лбу, как луки, брови сведены,
В кудрях бутоны с каждой стороны.
Ах, божество из-под бутона смотрит!

Вагиф за тех, кто страстью одержим,—
Смотреть в глаза всегда присуще им.
Бесстрастен тот, кто жаждой не томим,
Кто краем глаза потаенно смотрит.

* * *

С нетерпением жду гонца я издалека,—
От возлюбленной весь день ожидаю весть.
Мне пера не удержать, так дрожит рука.
Как послать мне ей о том, что страдаю, весть?

Я не ем теперь, не сплю, только слезы лью.
Как об этом известить милую мою?
Все враждебны мне, от всех я любовь таю.
С кем возлюбленной пошлю и когда я весть?

Ветер ласковый, меня утром навести.
Гложет сердце злой недуг, горя не снести.
Передай об этом ей, ветер, по пути,
Осторожность, тайну ты соблюдая, весть.

Стан согнулся с тех пор, как мне в грудь вошла
Сумрачных твоих ресниц жгучая стрела.
Весь узнал об этом мир; хоть молва и зла,
До стрелка все ж не дошла та худая весть.

Мотылька огонь убил—рвался он в беду.
Соловья бутон убил в солнечном саду.
От любви Вагиф без сил, он в огне, в бреду.
Кто об этом передаст ей, рыдая, весть?

* * *

Когда, в пурпурный шелк облачена,
Выходишь к нам, спускаются с высот
Тебе навстречу солнце и луна,
Твой ангелы приветствуют приход.

Как ты светла! Ты схожа с белым днем.
На всю страну я протрубил о том.
Дай света мне, мой пуст и темен дом.
Кому ты светишь — молодеет тот.

Едва заметно ты кольнешь стан.
Не залечить в разлуке тяжких ран.
Мир без тебя накрыл густой туман.
Меня беда, меня погибель ждет.

Стан — кипарис, а грудь твоя — атлас,
В ад попаду, коль ждет разлука нас,
А коль начну о косах я рассказ,
Дням скорби злой потерян будет счет.

Ты — роза, соловья к себе впусти,
Богатству ум Вагифа предпочти.
Стервятник кружит на твоём пути.
Пусть соколица к соколу идет.

* * *

Подобна луку бровь твоя, щека смугла.
Сияют дивной глубиной твои глаза,
Мне стрелы загнутых ресниц терзают грудь...
Слегка подведены сурьмой твои глаза.

Меня изранил, истомил лукавый взгляд.
И веру испытать мою глаза хотят.
То муку, то блаженство мне они сулят,
Ах, унесли навек покой твои глаза!

Они похожи на миндаль, как ночь темны,
Глаза невинные твои греха полны,
Им даже локоны твои служить должны —
Повелевают грозно мной твои глаза.

Благоуханен, как жасмин, кудрей поток...
Алеет нежный ротик твой, как лепесток.
И родинка дрожит у губ, и рост высок,
Но все затмили красотой твои глаза.

Твой разум омрачен, Вагиф, покой пропал.
Ты безутешен, ты навек страдальцем стал, —
Прекрасны родинки, уста, лица овал,
Но я безумен, в том виной твои глаза.

* * *

Если любишь, подойди и обними.
Почему глядишь тайком из-за угла?
А не любишь, не мани и не томи.
Почему ты грудь мою сожгла дотла?

Кто прикажет: «Не ходи тропой любви!»
Сердцу кто велит: «Смолчи, не позови!»
Не увидит глаз — не вспыхнет жар в крови.
Почему ко мне, блестя красой, пришла?

Подала мне знак, тайком к себе маня,
А сама бранишь меня, во всем виня.
Пса-врага ты натравила на меня,
Почему ты принесла мне столько зла?

* * *

Ты Кааба, Кербела, Мекка, Медина моя!
Ты священна всегда и благодна для меня,
Я святые считаю изгибы твоих бровей,
День и ночь я молюсь тебе, голову преклоня.

Что бы я ни сказал — пусть не будет обид у тебя.
Я не знаю, что случилось со мной, — опьянел я, любя,
Лишь исчезнет твой стан, и я замираю, скорбя,
Ты уйдешь, и последняя ночь настает для меня.

Веру наших отцов привязал я к твоим кудрям,
Кто же больше меня изумлялся твоим кудрям,
Ухожу, свою жизнь поручая твоим кудрям, —
Эту жизнь, как залог, береги, у себя храня.

Ты мой месяц высокий, солнце мое и луна,
Жизнь, богатство, счастье мое и весна!
О тебе лишь единой мечта у меня одна,
Сказкой стали слова твои на устах у меня.

Даже райские птицы боятся твоих кудрей,
Онемели павлины от сладких твоих речей.
Я несчастен, Вагиф, из-за черной твоих очей, —
Кто б ни встретился мне на пути — пожалейте меня!

* * *

Прелесть гурий в белом теле, говорят,
От медовых уст блаженства можно ждать.
Ямочка на подбородке тешит взгляд,
Вид ее покой приносит, благодать.

Та, чьи так мягки колени, грудь — атлас,
Та, чья поступь изумляет каждый раз,
Та красавица с алмазным блеском глаз,
С резвым нравом принуждает нас страдать.

Настоящая красавица должна
Быть румяна, белолица и пышна.
Не скрывает ни лица, ни рта она,—
Лишь уродам под покровом увядать.

Ранит, взорами играя, сердце нам.
Чтоб волос ее коснуться, честь отдам.
В том лишь радость, чтобы к розовым устам,
Что дают нам сладость жизни, припадать.

У подобной и характер золотой,
Не таится от Вагифа под фатой
И, речей его пленившись остротой,
Сердце другу обещается отдать.

* * *

Любимая, уста твои горят
Рубинов раскаленных горячей.
Твоих зубов-жемчужин блещет ряд,
Сверкает острых слов твоих ручей.

Не отвечаешь на признанья мне,
Не хочешь быть со мной наедине.
Покоя я не знаю и во сне
Из-за твоих колдующих очей.

Как божий свет, во мгле сияешь ты,
Вокруг твоей кружусь я красоты,
Горю в огне неистовой мечты,
Что озарила мрак моих ночей.

Спроси у ветра — кто письмо вручил
И кто его слезами омочил?
Ответит он: безумный настрочил,—
В признаньях бред горячечных речей.

Лукавый взгляд присуц твоим глазам,
Краснеть, как маки, свойственно щекам,
Подходит беспорядок к волосам,—
Вихрь ни при чем, тут нет вины ничьей.

Слепит Вагифа лик твой золотой,
Ты держишь друга под своей пятой.
Ах, без тебя что значит мир пустой?
Все затмевает блеск твоих лучей.

* * *

Жасмин кудрей, нарциссы глаз твоих,
Давно страданье, пери, мне сулят.
О, пощади, красавица, меня,—
Раба убьет с возлюбленной разлад.

Жестокою и гордою не будь,—
С возлюбленным дели суровый путь.
В минуты горя друга не забудь!
И мед без милой горек, словно яд.

Люблю тебя! Мне жизнь отдать вели.
Ты мне дороже всех богатств земли.
Меджнун в горах молился на Лейли,
И скалы в честь Ширин крушил Фархад.

Безумен тот, кто милой пренебрег,
Позор тому, кто верность не берег.
И если сыч увлечь голубку мог,—
Воспрянет сокол, яростью объят.

Пришла весна, велев расцвести цветам,
Над озером не молкнет птичий гам,
А на груди Вагифа новый шрам,
И след любви года не исцелят.

* * *

Если, красное надев, ты сойдешь в цветник,
Соберутся вокруг тебя, в пляс пойдут цветы.
Подчиняется тебе каждый час и миг
Верный раб твой—человек, пленник красоты.

Милый ангел, кто тебя не превозносил!
Ах, терзаньям нет границ, стражду свьше сил.
Горе! Натиска ресниц я не отразил,—
Прямо в грудь вошла стрела жгучей остроты.

Ты—прекрасная Ширин, я же—твой Фархад.
Ах, весь мир перед тобой преклонится рад!
Жаждают тысячи рабов уловить твой взгляд.
Горе удержишь на виду, но таишься ты.

Ввергла ты меня в любовь. Стал я нищ, убог.
День и ночь брожу без сна, жребий мой жесток.
Бьет в пучине глаз моих жгучий слез поток,—
Знаю, сторожит тебя враг из темноты.

Улыбаются уста, боль мне причинив.
Ты мне рану нанесла, кровью грудь залил.
Ах, в Меджнуна превращен злой тоской Вагиф,
По ущельям бродит он. Дни его пусты.

* * *

Наступил байрам. Как нам быть теперь?
Ведь у нас муки ни чувала нет;
Риса в кладовой горстка, мерь не мерь,
Мяса нет давно, да и сала нет.

Рта нельзя раскрыть, не дают житья,—
Неудобный, мол, раб аллаха я.
Объедается у других семья,
А у нас? У нас и мотала нет.

Милостив аллах! Пуст совсем наш дом,—
Ни циновки в нем, ни красотки в нем.
Не гордись, Вагиф, что богат умом,
И ума у нас уж не стало, нет.

* * *

Берега Куры студеной
красотой ласкают взгляд,
Но того, что сердцу мило,
жаль мне, на чужбине нет.
Здесь, в косе густой и черной,
бусы джикки не блестят,
А платочков изумрудных,
знаю, и в помине нет.

Кишлаки Гырахбасана
зеленеют круглый год,
Здесь, на пастбищах привольных,
и зимой пасется скот,
Но на берегу высоком
юрты взгляд твой не найдет —
И сдается, в целом мире
берегов пустынной нет.

Много здесь красавиц нежных
с телом хрупким, как хрусталь.
Губы ярче юной розы,
зубки — чищенный миндаль.
Но приветливой, радушной
среди них не встретишь,— жаль...
Той, что ласково посмотрит,
и любовь нахлынет,— нет.

Здесь иная так прекрасна,
что тебя бросает в дрожь,
Ты красавицы подобной
и в Китае не найдешь.
Но наряд ее безвкусен,
хоть богат, а не хорош;
Той, что скромную одежду
на себя накинёт,— нет.

Здесь луга благоуханны,
даль прозрачна и чиста,
Но не знают поцелуя
дев надменные уста.
Холодна, как горный мрамор,
неживая красота,—
Вижу я прекрасных пери,
но моей богини нет.

Уподобясь черной туче,
пали косы вдоль спины,
И монеты золотые
в них сверкают, вплетены.
Им косынки не по нраву,
келагаи не нужны,—
Той, что шапочку на брови
под платком надвинет,— нет.

Нимтене обшит нарядным
золотистым галуном.
Точка-родинка таится
над румяным, нежным ртом.
На груди, на шее мушки...
Но вздыхаю об одном,
Что кудрей, подобных вешней
снеговой лавине,— нет.

Не увидел я красавиц
с гордо поднятой главой.
Ни одна мне не подарит
здесь платок узорный свой,
Жарко в очи не посмотрит,
став лицом к лицу со мной,—
Той, что, как палач жестокий,
жизнь навек отнимет,— нет.

Исходил я все дороги,
мне знакомо все окрест,
Знаю я теперь порядки
и обычай здешних мест—
Драгоценные браслеты
здесь в почете у невест,
Янтарей я не увидел,
здесь их и в помине нет.

День и ночь готовы пери
любоваться в зеркала,
Но красавицу не встретишь,
чтобы кудри завила.
Чтобы хной покрыла пальцы,
бровь крутую подвела,—
Над глазами у красавиц
насурьмленных линий нет.

К небу я в тоске взываю,
сжался надо мной, аллах!
Я, Вагиф, изнемогаю,
на чужбине я зачах,
Наших жен я вспоминаю
с нежным пламенем в очах...
Только случая вернуться,
вижу я в унынье,— нет.

* * *

Палач моей души, судьбы моей тиран,
Жестокая, тебя и небо не смиряет,
Тоскою я и днем и ночью обуян,—
Нет жизни у меня, и сил мне не хватает.

Пусть камень поразит соперника сильней,
Он стал помехою для радости моей.
Пылают юноши в смятении страстей,
Но кто из них, как я, от пламени сгорает!

О брови дугами, о щеки как тюльпан,
Перчинка родинки и локонов рейхан!
Где ж сердце у тебя, я изнемог от ран,
Все сокрушаешь ты, что взор твой повстречает.

Но ликование любовь к тебе дарит,
Земная женщина, небесна ты на вид,
Твой стан — что кипарис, и руки — что самшит,
Кто из людей таким величием обладает!

Кто гордой передаст, как мучится Вагиф,
И кто опишет ей, несчетно повторив,
Мольбу несчастного и горестный порыв,
О, кто из мусульман мне это обещает!

* * *

Нет в мире радости тому, кто с милой разлучен,
Он безутешен, он всегда тревогою томим.
Разлука — худшая из бед; зажав зубами стон,
В ночи бессонной он один с безумием своим.

Разлука яростным огнем сердца испепелит;
Нет исцеленья от нее, — ничто не веселит.
Повсюду чудится тебе сплетенных рук самшит,
И шепчешь безутешно ты: о, как я был любим!

За миг свиданья жизнь отдать — цена не дорога!
Ты укрощен, ты раб любви, безропотный слуга, —
Она прикажет, ты пойдешь в бураны и снега
И будешь рад себя обречь страданиям любим!

Как мрамор, грудь ее бела, в зрачках таится мрак,
Улыбка алых уст ее дорожке райских благ.
Она измучает тебя, как самый лютей враг,
И, словно нищий, счастлив ты ее кивком одним.

Ты от возлюбленной, Вагиф, немало видел бед,
Безмерней пытки на земле, чем боль разлуки, нет.
Красавиц много под луной: одна — как ясный свет,
Другая мучает тебя презрением немым.

* * *

В очах твоих, что, как огни, горят,
Лукавство я, любовь к проказам вижу.
Ресниц ли черных легкокрылый ряд
Иль стрелы я влюбленным глазом вижу?

Твой рот алеет, издали пьяня...
Что ж ты сидишь в сторонке от меня?
Ты разве пери солнечного дня,
Что на тебе венец с алмазом вижу?

О уходящая! Побудь еще со мной!
Взор не насытится твоею красотой!
То грудь блеснет сквозь ткани наготой,
То руку я под тонким газом вижу.

Твой гибкий стан стройнее тростников.
Из-за тебя на гибель я готов!
Твой лик свежее полевых цветов—
В сравненье с ним все блекнут разом, вижу.

Вагиф, ты помни тех, кто помнит нас!
Пусть о любви красноречив рассказ.—
Кто любит—не уйдет с любимых глаз,—
Путь сердца я не по рассказам вижу.

* * *

Напрасно жду хороших я вестей.
Ах, почему моя царица плачет?
Освободилась птичка из сетей.
Ах, почему не веселится, плачет?

У кос ее, что вдоль спины скользят,
Фиалка занимает аромат.
Я жизнь ей в жертву принести бы рад,
Так почему она томится, плачет?

Вагиф в тоске, душа его горит.
Когда ты плачешь, плачет он навзрыд.
Ах, почему лучом не одарит
Моя любовь, не прояснится, плачет?

* * *

Беда с неразумной, с кокеткой шальной!
Она с посторонним добрее стократ.
К влюбленному вдруг повернувшись спиной,
Игривый бросает на недруга взгляд.

Такая прикажет сама: «Подойди!»
Шагнешь к ней,— отступит, того и гляди.
Попробуй ее умоли, убеди,
Никак не пойдет с нею дружба на лад.

Разбудишь ее,— отвернется к стене,
Как будто задремлет, вздохнет, как во сне;
Окликнешь — смолчит, только чуть в тишине
Монеты на ворота вдруг зазвенят.

Причуд и капризов у взбалмошной тьма.
Скрывает лицо, хоть сгорает сама.
Любить у такой не хватает ума,
Она избежит всех силков и засад.

С любовью Вагиф на таких не воззрит,
И доступ для них к его сердцу закрыт.
А той, что без слов о любви говорит,
Подставить он под ноги голову рад.

* * *

Ты, с грудью лебединой, с чашей кос,
Что, словно крылья, бьются за спиной!
Свила гнездо во мгле твоих волос
Моя душа,— должна ты быть со мной!..

Из смертных кто б с тобой сравниться мог?
Ты — пери, дом твой, словно рай, высок.
Твой тонкий стан прелестен, как цветок,
Твой стан — кувшин изогнутый живой.

Речь попугаю звонкая дана,
Но речь твоя — в сто раз милей она.
Что ж кожа белых рук твоих красна?
В крови они или покрыты хной?

О бровь-палач, о деспот — темный взор,
Что ранит в кровь, как злой кинжал остер!
Иль, вновь задумав жизнь отнять, в упор
Ты мечешь глаз твоих огонь хмельной?

Красавица, Вагифа пощади,
К его желаньям пылким снизойди,
Утешь его и счастьем награди —
Ведь он страдал из-за тебя одной.

* * *

О родинке нежной мечтаю и ночью и днем,—
Зачем же ты, девушка, бродишь вдали от меня?
Мечта об устах твоих жжет меня алым огнем,
Мечта о глазах твоих жарче любого огня.

Улыбкой и голосом звонким ты мне дорога,
Дороже сокровищ прелестных зубов жемчуга.
Мне стиснула сердце изогнутой брови дуга,—
Влюблен я в глаза, что лучистей весеннего дня.

Мне в душу струится любимой медвяная речь,
От лани жестокой не смог я себя уберечь.
И слезы любви продолжают безудержно течь,—
И мучусь любовью, бездушную пери кляня.

Схожу я с ума от кудрей, что свисают вдоль плеч,
От взгляда, что может тебя заморозить и сжечь,
От ямки лукавой, что может на муку обречь,—
Разлука изводит, и сердце и ум леденя.

Ты ярче и тоньше, чем свежий весенний цветок,
Но нрав твой, к несчастью, мучительно крут и жесток.
Вагиф безутешен, и ширится слезный поток,—
От стрел роковых не спасет никакая броня.

* * *

Перед красавицей с улыбкой неземной,
Покорно вытянувшись, приказанья жди
И ручку тонкую, накрашенную хной,
С примерной ловкостью прижми к своей груди.

Не дай возлюбленной от ласки увильнуть,
Предельно вежливым, но непреклонным будь.
С устами пылкими спеши уста сомкнуть
И все желания ее предупреди.

Не дай возлюбленной вступить со страстью в спор,
Пусть снимет тотчас же свой головной убор.
Раскрой объятия, скрестив со взором взор,
И знай, что ждет тебя блаженство впереди.

Вагифу нравится блистательный наряд,
И стан красавицы, и опьяненный взгляд,
И смех волнующий, и поцелуев яд.
К душе возлюбленной кратчайший путь найди!

* * *

О ты, чья грудь как снег бела,
В твою красу влюблен Вагиф.
Разлука грудь ему сожгла,
Чуть сдерживает стон Вагиф.

Согнулся стан его прямой,
Он бродит грустный и немой.
Он обезумел, боже мой.
Бедою поражен Вагиф.

Вздыхает он сто тысяч раз,
Ручьями слезы льет из глаз;
С тобой ждет встречи каждый час,
Забыл покой и сон Вагиф.

В сто тысяч раз ты лучше всех,—
С чем взгляд твой сравнивать и смех?
Лишь от тебя он ждет утех,
Тобой лишь поглощен Вагиф.

Пленяет ветрениц глупец,
Невежда — властелин сердец.
Раз так, Вагифа ждет конец,
Зря знаньем наделен Вагиф.

* * *

Кареглазая, стройней, чем кипарис,
Как силен любви дурман — взгляни сюда.
Дни и ночи я тоскую о тебе,
О тебе твержу: аман! Взгляни сюда.

Кто б, как я, снести разлуку так же смог,
Боль страданий, ожиданий и тревог!
Тьма кругом, и я блуждаю, одинок...
Разгони тоски туман, взгляни сюда.

Я живу, терзаем муками любви,
От разлуки вся душа моя в крови...
В сердце стонущем моем — лишь позови —
Стихнет черный ураган, — взгляни сюда.

С каждым днем больнее сердцу моему,
Но никто не посочувствует ему...
Чтоб недуг исчезнул, другу твоему
Наносящий столько ран, — взгляни сюда.

Ты, чьи сладостны уста, чьи щеки — мак,
Возвратись назад, рассеяй разлуки мрак.
Днем и ночью ждет тебя Вагиф-бедняк...
Кто сказал, что страсть — обман? Взгляни сюда!..

* * *

Нам та, что слывет образцом доброты,
Два чуда небесного сада прислала,
Два спелых плода из теплиц красоты,
Приятных для вкуса и взгляда,— прислала.

На дом ее пусть снизойдет благодать.
За дар мы ей душу готовы отдать.
Спасибо ей, век нам таких не достать,
Любезная кстати награду прислала.

Скажите же той, чьи уста как рубин,
Ланиты — хрусталь, грудь — цветущий жасмин,
В таком мы восторге, как если б Ширин
Нам ценности рая и ада прислала.

Ее благосклонность к нам, грешным, ясна.
За эту услугу оплатим сполна.
Пока только первую пробу она,
И этому, верьте, мы рады, прислала.

Аллах! Кто сказал ей, что жаждет плодов,
Что болен такой-то от долгих постов?
Всю жизнь я, Вагиф, посвятить ей готов
За то, что она нам усладу прислала.

* * *

Щеки твои — словно маковые лепестки,
О, как им черные волны кудрей идут!
Розы румянее ты, серебра светлей,
Грудь твоей ткани снега белей идут.

Сладостной речью твоею взволнован я,
Черными родинками очарован я,
Хмелем нарциссов твоих околдован я,—
Как им высокие дуги бровей идут!

Нет, я нигде красоты такой не видал.
А увидав, онемел — пораженный стал.
Кос водопад по плечам твоим ниспадал,
Как они шее прекрасной твоей идут!

Грудь твою тронем избрал бы царь Сулейман.
Ты горделиво ступаешь, словно султан.
Кудри твои разметал ветерок-буян,—
Как тебе кольца их шелковых змей идут!

Так продолжаться не может дальше, Вагиф!
Только надеждой на встречу с нею я жив.
Так ее стан молодой беспорочно красив,
Что б ни надела — одежды все ей идут!

* * *

Вновь ты здесь, вновь пронзила мне сердце стрела,
Лань со взглядом змеиным, от зноя хмельная.
Бровь тугая — палач, кудри черные — мгла.
Ах, они всем терзаньям виною, хмельная.

Я сгораю, я жажду свиданья с тобой.
Жизнь отдать за тебя согласится любой.
Носишь косо чалму и платок голубой,
А лицом ты сравнима с луною, хмельная.

Щеки в родинках — истинный знак красоты.
Смелы мысли твои и крылаты мечты.
На груди талисманы, все в кольцах персты,
Ногти смазаны ржавою хною, хмельная.

Ты идешь, как Ширин, смотришь ты, как Лейли,—
Сколько ран мне улыбки твои нанесли!
Развлекайся же, резвый свой нрав утоли!
Как не быть в этом вихре хмельною, хмельная!

Я безумен, в тумане моя голова.
Буквы все переставила ты и слова.
Знай, Вагиф обессилен, он дышит едва,
О мой рок, восхваленная мною, хмельная!

* * *

Ты затмеваешь блеск светил, о ангел мой,—
Кудрями сердце оплела, войдя в чертог.
Твой взор рассудок опьянил, и я, хмельной,
В огне любви сгорю дотла, как мотылек.

Я от ислама отступил, тебе служа,
Зрачок твой сердце мне пронзил острой ножа.
Себя с Юсуфом я сравнил, о госпожа,
Ты кровь страдальца пролила, вонзив клинок.

И слава о тебе идет от уст к устам,
И изумленный мир падет к твоим стопам.
Ты с горних, облачных высот спустилась к нам
В одежде царственной светла, как лунный рог.

В разлуке время тороплю, померк мой свет,
Без той, которую люблю, мне жизни нет.
Не слушай недругов, молю, сдержи обет,
Страшна соперников хула, навет жесток.

Божественный склоняя стан, ты рвешь цветы,
Хотя в глазах страстей дурман,— они святы.
Удел Вагифу тяжкий дан, виною ты,
Со мной проститься не пришла, а путь далек!

* * *

Кончик локона, жалу подобный змеи,
О красавица, взгляд мой влюбленный привлек,
Ароматны медвяные губы твои,
На уста твои глянец сверкающий лег.

Словно райский цветник — твой, красавица, дом.
Расцветают тюльпаны и лилии в нем.
Ароматом весь воздух пропитан кругом,
Залит мускусом пряным и амброй порог.

Туго косы тяжелые заплетены;
С той и с этой спадают они стороны.
Ждет погибель всех тех, что прекрасной верны,
В час, когда покидаешь свой светлый чертог.

Где сравненья искать? Не напрасный ли труд?
За тебя пусть все гурии рая умрут.
Сто Зюлейх госпожою тебя изберут,
О смеющийся, благоуханный цветок.

Оплела все сердца цепью локонов ты,
Ранен каждый, твой увидавший черты.
Сам Вагиф — почитатель, знаток красоты —
В жарком пламени мудрое сердце обжег.

* * *

Забыл я бога, верой пренебрег,
Вдохнув кудрей пьянящий аромат.
Рассудок мой смятенный изнемог, —
Его отнял хмельной и нежный взгляд.

О, если бы я разум не терял,
Быть может, я ученым мужем стал.
Мой стан согнулся, словно буква «дал»,
В том взлет бровей сурьмленных виноват.

Меня соперник вздумал очернить,
Я днем и ночью должен слезы лить.
Как хорошо нам было вместе быть, —
Зачем злодеи козни мне чинят!

Не трудно было догадаться им,
Что я огнем безжалостным палим.
Рыдаю я, но рок неумолим,
И слезы мне печаль не облегчат.

Теперь Вагифа людям не узнать,
Я беком был, ушла былая статья...
Ты не пришла, тебя устал я ждать, —
Неужто в том соперник виноват?

* * *

Ты всех затмила дивной красотой,
Казалось мне — ты совершенств полна.
Я о тебе мечтаю неустанно,—
Вся жизнь моя тебе посвящена.

О, почему со мною ты сурова?
Неужто ты внимать молве готова?
Я вести жду, единственного слова...
Я сам не знаю, в чем моя вина.

Твоих волос волна благоуханна,
Ты, словно роза юная, румяна.
В кудрях жасмин... О, как ты мне желанна!
Твоей красе завидует весна.

О том, что умер я, тебе сказали,—
В твоих глазах не видел я печали.
Мне говорят, тебя с другим видали—
Неужто ты обетам не верна?

Но я, Вагиф, красы твоей не вижу,
Я в мире никого родней не вижу,
Твой дивный лик я много дней не вижу.
Жизнь без тебя, как смертный склеп, темна.

* * *

Две красавицы подруги
Мой нарушили покой.
У одной ланиты — маки,
Розы — щеки у другой.
У одной, чья грудь атласна,
Вьются локоны вдоль щек,
Перси — точно два граната,
Кос потоки у другой.

Словно уточка, изящна
И приветлива одна.
А другая, словно лебедь,
Величава и плавна.
Речь одной сладка, как сахар,
Меда речь другой полна,
У одной глаза орлицы,
С поволокой у другой.

Эта — с телом белоснежным,
Кудри черные, как ночь,
Та — смуглянка, но соблазнов,
Что таит, не превозмочь.
Так проста одна, любезна,
Схожа с ангелом точь-в-точь,
Брови выгнуты дугою,
Нрав жестокий у другой.

Под оранжевою шалью
Спрятан этот нежный взгляд.
А у той ресницы-стрелы

В грозный выстроены ряд.
Пышнотелая, подруге
По плечо одна навряд.
Стан стройнее кипариса,
Рост высокий у другой.

Потерял Вагиф терпенье
От капризов двух подруг;
Берегитесь, час настанет,
Вы его лишитесь вдруг.
Со светильником, вздыхая,
Все обьщете вокруг.
Ах, поклонника такого
Не заменит вам другой!

* * *

Ветерок рассветный — смилуйся, ответь! —
На огонь сердечных ран что ж не пришла?
Сад мечты моей жестоко разорив,
Мой властитель, мой султан, — что ж не пришла?

Без которой я горю-сгораю — та,
Без которой разум я теряю — та,
В чьих устах ловлю дыханье рая — та,
Чей высок и тонок стан, — что ж не пришла!

Чьи ресницы как стальные стрелы — та,
Чьи слова и горячи и смелы — та,
Чье лицо и грудь, как жемчуг, белы — та,
Вчуже от которой пьян, — что ж не пришла!

Мой алтарь, моя Кааба, мой завет,
Разум мой, мое дыхание, мой свет,
Родина моя, Зюлейха — краше нет,
День мой, мой Юсуф-Канан, — что ж не пришла!

Чье лицо свежее дикой розы — та,
Чьи темны, длинны, душисты косы — та,
Как чинар, стройна, светла, как слезы, — та,
Гурия моя, гылман — что ж не пришла!

У которой губы нежны, речь добра,
У которой пальцы в блеске серебра;
Как павлин, в одеждах шелковых, пестра,
Ангел, пламень мой, тюльпан — что ж не пришла!

Разве вытерплю такой огонь в груди!
Жив иль нет Вагиф — спасения не жди.
Жесточайшие страдания впереди.
Милая моя — аман! — что ж не пришла!

* * *

Ранила в сердце меня сгоряча.
Стрелы — ресницы, а лук — ее брови...
Взоры красавицы — меч палача,
Что возле жертвы стоит наготове.

Все ей лишь повод для милых потех.
Легкая поступь, чарующий смех,
Щеки как розы, а зубы как снег,
Перлы ума в каждом сказанном слове.

Скрыта в движениях пьянящая страсть,
Повелевает красы ее власть,
Как пред Каабой, пред нею упасть, —
Ангелов краше, но с плотью и кровью.

Голос нежней словьиных рулад,
Мудрость Лукмана хранит ее взгляд,
В свежем дыханье — цветов аромат
С горных лугов и зеленых низовий.

Сердце Вагифа пленила она.
Всех красотой затмила она.
Многих любовью сразила она,
Все ей возносят свое славословье.

* * *

В ракушке рта жемчужины зубов,
Фисташки-губы жизнь дарят, любимая!
В твоих хмельных глазах живет любовь,
Они меня давно томят, любимая!

Подобна снегу белизною кожа,
На шее прядь с змеею черной схожа,
Гранаты — груди, ум мечтой тревожа,
К себе влюбленного манят, любимая!

Сними чадру, мой друг, меня не мучай,
Мой ум заволокло, как небо тучей,
Меня влечет коварный и летучий
Незабываемый твой взгляд, любимая!

Прекрасней ты, чем солнце и луна,
Речь сахарною сладостью полна,
Из-за ресниц два глаза-колдуна,
Как палачи, убить грозят, любимая!

Вагиф — Меджнун, а ты — Лейли моя,
Тебя увидев, горько плачу я,
Друг в друге нам — услада бытия,
Нам от других не ждатель услад, любимая!

* * *

В чем я виновен, милая, скажи?
В душе тревога — погляди сюда!
Сбрось покрывало, лик свой покажи,
Не хмурься строго, погляди сюда!

Твои ресницы — копий остря.
Меня послушай, гневность усмиря,
Ведь я прошу, тебя боготворя,
Ну хоть немного погляди сюда!

Неужто я тебя обидеть мог?
Ты сердишься напрасно — видит бог.
Кто любит, тот не может быть жесток,
Побойся бога, погляди сюда!

Я образ твой вознес перед людьми
Превыше, чем Хафиз или Джами.
Люблю тебя, не мучай, не томи,
Ах, недотрога, погляди сюда!

Мирись со мною, гордость усмирив,
Ты гонишь гостя, прежде пригласив,
Ведь молча за тебя умрет Вагиф
Здесь, у порога. Погляди сюда!

* * *

Не могу тебе поверить,
если б даже захотела,—
На обманщика такого
больше я не посмотрю!
Тосковать тебя заставлю
по моим ресницам-стрелам,
На тебя, мой чернобровый,
больше я не посмотрю!

Легкомысленно и стыдно
увлекаться первой встречной
И мечтою к ней стремиться,
обо всем забыв беспечно.
Ты одну любить обязан
целомудренно и вечно...
На тебя, даю в том слово,
больше я не посмотрю!

Я назло под покрывалом
лик свой нежный скоро спрячу.
Эти родинки и кудри
навсегда от взора спрячу,
Яркий рот, с бутоном схожий,
я, вздохнув с укором, спрячу.
Будешь звать, страдая, снова.
Больше я не посмотрю.

Потеряв мое доверье —
заслужить его не сможешь.
Ты, как ветер, переменчив
и со мной дружить не сможешь.
Ты клянешься мне напрасно,
что влюблен, что жить не можешь,—
Буду я с тобой сурова —
больше я не посмотрю!

Говорили про Вагифа —
обо всем он судит здраво,—
Знает он, любовь не шутка
и не праздная забава.
Я считала — вы похожи!
Я ошиблась, боже правый!
На коварного и злого
больше я не посмотрю!

* * *

Если милая приходит, с чем сравнится счастье это?
Целовать ее и слышать юной крови жаркий ток.
Видеть круглый подбородок перламутрового цвета,
Отсвет утреннего солнца — золотой румянец щек.

Лебедь белая дивится шее девичьей лебяжьей.
Я стою вблизи потока изнывающий от жажды.
Ты была небесной феей рождена на свет однажды,
Но затмила красотой фею-мать в недолгий срок.

Грудь упругая прекрасна, тело знойное прекрасно.
И лицо твое, в улыбке, и спокойно и прекрасно.
Кипарис ты мой высокий, тополь стройный и
прекрасный,—
Эти царственные плечи для блаженства создал бог!

Губы — алые кораллы, зубы — жемчуга сиянье.
Ах, зачем меня решила ты отдать на осмеянье!
Ты особенно красива в этом ярком одеянье,
И к лицу тебе, на диво, твой оранжевый платок.

Если б скорбного Вагифа полюбила дорогая,
То болезнь его мгновенно излечила дорогая,
Если б дом мой сокровенно посетила дорогая,
Чтоб лицо ее и руки целовать я вечно мог!

* * *

Нет, недостаточно красавицею быть,—
Нет, деве нежной быть всегда живой пристало;
Взгляд милой веры свет, а кыбла — милой бровь,
Лицу — Каабой быть, для всех святой,— пристало.

Пусть будет стройным стан, грудь мрамора белей,
А кожа — лепестка весеннего нежней;
Как амбра — волосы, сурьма вокруг очей,
Рукам же — розоветь под алой хной пристало.

Султаншею царить пристало ей в сердцах,
Посмотрит только раз — и всех повергнет в прах,
Осанка сокола и соколиный шаг,
В движении любом ей быть такой пристало.

Пусть вьются волосы, подобные волне,
Пусть пальцы перстнями пылают, как в огне,
В сорочке розовой, в лазурном нимтене,—
Так деве всех пленять своей красотой пристало.

Кто хочет мотыльком в огне любви сгорать
И у ее дверей весь день недвижно ждать,
Жизнь за красавицу без трепета отдать,
Тем, как Вагифу, жить одной мечтой пристало!

* * *

Ах, лучше бы не было этой поездки!
Не высказав сердца, мы снова расстались
С подругой-красой, несравненно в блеске,
Без ласки, без доброго слова расстались.

Как чудится мне, не могу передать я,
Высокая грудь в узком вырезе платья.
Некстати уснул я, и вот — без объятья
И без поцелуя хмельного расстались.

Не мог я насытиться в краткие встречи
Губами медовыми, сладостью речи.
Увы, не ласкал я жемчужные плечи,
В печали томленья немого расстались.

Вагиф, нету горькому сердцу покоя,
Душе не ужиться с бессонной тоскою.
Мы в ссоре с любимой. Вот горе какое!
Задобрить не смог, мы сурово расстались.

* * *

Ты моешь волосы. От них
Струится аромат, Зейнаб.
Цветов дыханье полевых
Они весной таят, Зейнаб.

Когда глаза сурьмой сурьмишь,
Когда гордясь собой стоишь,
Ты с горной ланью сходна лишь —
Твой насторожен взгляд, Зейнаб.

В тебя влюбленный истомлен,
Все позабыл, безумен он, —
Твой голос — ручейковый звон...
И я стать жертвой рад, Зейнаб.

Твоя походка так легка,
Ты, как пчелиный мед, сладка,
Ты, как тюльпан в горах, ярка, —
Как тот весенний сад, Зейнаб.

О хан мой, как ты хороша,
Вагифа вера и душа.
Я жду тебя, едва дыша, —
Дороже всех наград Зейнаб!

* * *

Твой стан — кувшин, а тело — что хрусталь,
И словно из финифти шея, пери!
Прекрасна ты — тебе подобных нет,
Ты всех прекрасней и нежнее, пери!

Ты так умна! Любое слово — мед!
От смеха твоего душа поет,
Твоей красотой гордится весь народ,
Ты из красавиц всех милее, пери!

Твой каждый локон — смерть для горемык,
Грудь высока, стан строен, как тростник,
Рот сладок, сладки губы и язык,
А руки лилии белее, пери.

Я, как за ланью, за тобой гонюсь,
Я даже и во сне к тебе стремлюсь;
Не пудре и румянам я дивлюсь,
Без них всех прочих ты светлее, пери!

Ты просто солнце дивной красоты,
Вагифа разума лишила ты,
Глянь на меня с небесной высоты —
Так я молюсь, благоговей, пери!

* * *

Я влюблен, свиданья жажду, сам не свой,
Покрывалом ты закрылась, почему?
Я желаю слышать голос молодой,
Ты в молчанье погрузилась, почему?

Ты расправила все складки поверней,
Чтоб не видел я и прядки у бровей.
О, взгляни, хотя б украдкой, поскорей.
И скажи, за что немилость, почему.

Ты красива и должна любить вдвойне,
А кокетство — это средство не в цене!
Ты не хочешь улыбнуться даже мне.
Для чего на свет явилась, почему?

Кос твоих благоуханен водопад,
И сияет, смех таящий, быстрый взгляд...
Ты в сторонке постояла и назад
Почему-то удалилась, почему?

Я, Вагиф, был неделимым, словно лал.
И себя непобедимым я считал,
Стал податливой глиной, воском стал.
Как же это получилось, почему?

* * *

Я ждал тебя, и ты пришла
и радость принесла с собой!
Ты, засветившая зарю,
добро пожаловать ко мне!
Я жертва юной красоты —
ты мне дарована судьбой.
Я дом и жизнь тебе дарю —
добро пожаловать ко мне!

Ты появилась, и теперь
тебе вовек уйти не дам,
Прижался, истомленный, я
к твоим стопам, к твоим следам.
Вкруг головы твоей кружусь,
как вкруг огня, и знаю сам:
Прикажешь — в пламени сгорю.
Добро пожаловать ко мне!

Я запах мускуса вдыхал,
и от блаженства я ослаб,
Взгляни, простерт у ног твоих
влюбленный и покорный раб.
Тоскует сердце, и оно
горит на углях, как кебаб,
Ни в чем тебя не укорю!
Добро пожаловать ко мне!

Твои лучистые глаза
меня пронзили, как ножи.
Знай, кровью я тебе писал,
в посланье этом нету лжи.
Хочу одной тебе служить, —
о, снизойди и прикажи.
В блаженный час я говорю:
добро пожаловать ко мне!

За то, что в мире ты живешь,
благодарит судьбу Вагиф.
Пришла любимая в мой дом,
больное сердце исцелив.
Мне больше нечего желать,
и я одной любовью жив.
За все тебя благодарю:
добро пожаловать ко мне!

* * *

Ты нежнее всех красавиц, и стройна, и высока!
И никто на целом свете не сравняется с тобой.
Опьяненная любовью, ты качаешься слегка,—
Кипарис, где шепчет ветер, не сравняется с тобой.

Смех в глазах твоих таятся, ты—как юная весна,
Все достоинства красавиц ты присвоила одна.
Не найти в тебе изъяна, ты изящна и умна,
Вешний сад в своем расцвете не сравняется с тобой.

В день, когда ты появилась, щедрым был создатель
бог,
Дав тебе глаза газели, шелк кудрей, румянец щек,—
Сделал он тебя желанной, с головы до стройных ног.
Сладость, скрытая в шербете, не сравняется с тобой.

То ли ты звезда на небе, что вещает нам зарю,
То ли ты чудесный жребий, уготованный в раю.
Кто ты, ангел или лебедь? Изумленный, я смотрю,
Даже утро на рассвете не сравняется с тобой.

Передать тебе просил я, но ко мне ты не пришла.
Мне на сердце наступила, но ко мне ты не пришла.
Мертв Вагиф, близка могила, но ко мне ты не пришла.
Верь, никто до самой смерти не сравняется с тобой.

* * *

Красавица, чье тело мрамора белей,
С чьим станом кипарис не выдержит сравненья,—
За черный шелк твоих змеящихся кудрей
Прелестниц всех готов отдать без сожаленья.

О черноокая! В чем провинился я?
Молчишь, красавица, обиду затая...
Так пусть же хну тебе заменит кровь моя:
Коли виновен я—убей без снисхожденья!

Ты видишь и сама, сама ты признаешь,
Что все сравнения с красой твоею—ложь!
Тогда и нрав твой должен быть пригож!
Откуда ж у тебя капризы, нетерпенья?!

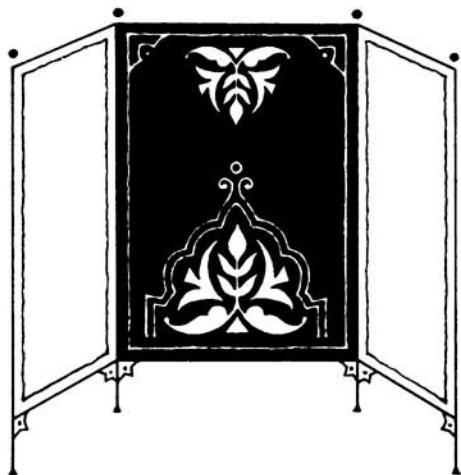
Друг с другом ссориться влюбленным—не расчет!
Зачем ты спрятала свой нежный алый рот!
Красавицам никак суровость не идет—
Красавица должна быть доброй, без сомненья!

Ты мной обижена... Как тяжко я скорблю!
О, помирись со мной,—я об одном молю!
Послание тебе я за посланьем шлю...
И к небесам не раз я возносил моленья!

Красавица со мной повздорила, Вагиф!
Приди на помощь мне, мой поддержи порыв,
Письмо к возлюбленной стихами изложив,—
Быть может, скорбь моя получит исцеленье!

ГЕДЖИНСЫ

* * *

О красавица! Губ твоих сладок шербет,
А дыханье твое — мед пчелы золотой.
Нежным родинкам в мире подобия нет,
Несравненный твой стан — вот чертог золотой!

Сколько слез пролил я, их как жемчуг мечу!
Горе грудь мне пронзило подобно мечу.
Полный гнева, стрелу я в злодея мечу.
Буря сердце гнетет, губит нрав золотой.

Нежный лик твой луна под покровом нашла,
И на злого соперника ярость нашла.
Стать притворщицей ты справедливым нашла,
Лебедь плещущих вод, близок час золотой!

Лишь великий Али шлет спасенье от зол.
Крепнет чувства огонь, коль в боренье он зол.
Так пусть корчится недруг поверженный, зол,
Пусть погибель найдет от змеи золотой!

В тяжкий узел собрав, скрой ты локонов тьму,
Опьянен я, Вагиф, погружен я во тьму.
Красота твоя бедствий наслала мне тьму.
Ты свой стан обернула парчой золотой.

* * *

Твой взгляд кокетливый меня пленил.
Убийца он, беда, невзгода,—девушка!
Как в битве воин, он меня пленил.
Он—враг... и все же слаще меда, девушка!

Твои уста—как винограда кисть.
Белее роз руки прелестной кисть.
Бессильна здесь и живописца кисть:
Ты все прекрасней год от года, девушка!

С молитвой ждал я счастья и добра,
Я ждал, чтоб ты была ко мне добра.
Я отдал жизнь, я не жалел добра,
Когда лишь мир возник, природа—девушка.

Твоя щека—сверкающий опал.
Ты—тополь. Только лист любви опал:
В опале я, в страшной из опал—
Из горделивого ты рода, девушка.

Он весь презрение—твой взгляд косой.
Не режь Вагифа острою косой—
Прижмись ко мне, запеленной косой,
Стань колыбелью сумасброда, девушка!

* * *

Твой стан прекрасный покори́л весь свет,
Ты красотой сияешь неземной.
В твоих глазах искрится солнца свет.
Взглянув, ты разлучаешь жизнь со мной.

Красив твой рост и горделива стать.
О, разве может кто прекрасней стать?
Не надо ж мучить—красоте ль под стать
Уродливая хитрость? Будь иной!

Ведь я твой пес—меня ты можешь весть.
Мне звон ошейника—благая весть.
В саду гуляя, вспомнишь ли? Бог весть:
Ты усладишься сливой наливной.

Я околдован! Я во власти чар!
Дай, виночерпий, мне одну из чар!
Не от твоих ли нежных, сладких чар
Хожу, прелестная, весь день хмельной?

Ведь ночью свет от двери исходил.
У двери той весь мир я исходил.
Всю ночь Вагиф слезами исходил,
Чтоб стать на миг рабом в тиши ночной.

* * *

Дыханье юга — ветерок зари,
Грудь оведал ли ты любви моей?
О, лепет свой, молю я, повтори,
Ведь ты ласкал персты любви моей?

Я ранен! Лик мой принял горя цвет,—
Тот любит розу — этот горлицет.
Красы объятья — пышных взгорий цвет.
Как перейду мосты к любви моей?

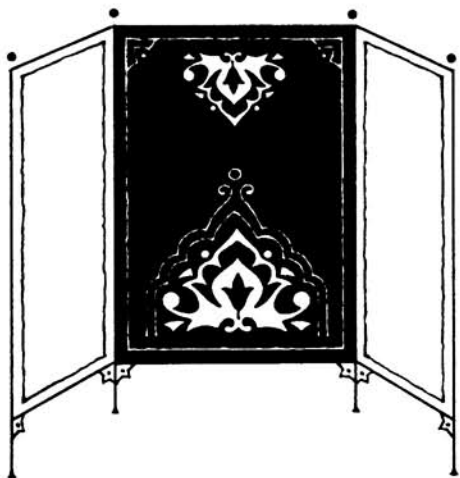
Откинь покров, яви свои черты,
Отринь врага — в нем низкие черты,—
Пусть он не минет роковой черты,
Исполнишь доброты к любви моей!

Пылает ярко женский краткий век.
Пусть слезы злого не иссякнут век.
Измучив, не велишь поднять мне век.
Не кажешь красоты любви моей!

Себе я грудь терзал, и клял я свет.
В разлуке что Вагифу белый свет?
В очах других мне не сияет свет,—
Сгораю от тщеты любви моей!

ГАЗЕТИ

* * *

Своей весенней красотой
цветок любой затмила ты.
Прекрасным станом ствол живой
тубы святой затмила ты.

Красавицы вселенной всей —
пыль под сандалией твоей.
Над Искандеровой главой
серп золотой затмила ты.

Благоуханье кос твоих
дороже мира для меня.
Небесный мир передо мной
и мир земной затмила ты.

Я — раб дуги твоих бровей,
мне больше нет пути в михраб, —
Каабы свет, свет божества,
день огневой затмила ты!

И если страждет, как Меджнун,
Вагиф и гибнет, как Фархад,
Лейли — сияющей душой,
Ширин — красой затмила ты.

* * *

Если кто влюблен в невежду, в обольстительницу, тот,
Будь самим он шахиншахом, счастья все ж не обретет.

Неразумная в гяура может друга превратить.
Пусть от участи подобной мусульман судьба спасет.

Если слезы не кровавы, мука в сердце не остра,
Что в них пользы для жестокой, чьи уста—медовый
сот?

Пусть развалит черный ветер, разнесет в куски жилье,
Где красавицы кудрявой, пролетая, не найдет.

Что за толк в щеках-бутонах, если скрыты под
платком?
От румяных уст что пользы, если не улыбчив рот?

Для того, чтоб не нарушить строй возвышенной любви,
Пусть Вагиф себе подругу с нежным сердцем изберет.

* * *

Я мечтой к кудрям прикован, ароматным, как цветок.
От любви изнемогаю, стан согнулся, взор поблек.

Если будет живописец рисовать ее портрет,—
Я хочу стать тонкой кистью, чтоб коснуться нежных
щек.

Будто облако восхода на челе ее горит—
Лебедь белая, не бойся, насмерть ранен злой стрелок.

Ты меня околдовала—стал я пленником твоим.
Без тебя, как месяц в небе, я блуждаю одинок.

Я—Вагиф, мне нет спасенья, гибель родинки сулят...
Ради ямочки на щечке мукам я себя обрек.

* * *

Я — твой преданный раб. Неужели отвергнешь меня,
От порога любви беспощадно и гневно гоня?

Разве гребень раздора застрянет в упрямых кудрях?
Разве локон утешится, верное сердце браня?

Сколько боли и крови мне стоит лукавство твое,
Хоть коралловых губ я еще не изведал огня.

Сердце кануло в бездну — в прелестную ямку у рта.
Не бросай же в темницу, в любви безнадежной вина!

Лишь с бутоном сравнится твой нежный рубиновый рот.
Почему ж он бранится, и сердце и мозг леденя?

Легче стройной газели проходишь ты мимо окна.
Я любимую жду все настойчивей день ото дня.

О царица цветов, коль к Вагифу ты не снизойдешь, —
Он пойдет на арену, врага своей кровью дразня.

* * *

Кто заболает любовью к рассыпанным локонам — тот
В ямочки нежных ланит, как в колодец Юсуф, попадет.

Кто совершенен, того постигают напасти судьбы.
Так полнолуныя краса постепенно к ущербу идет.

Сильному духом — арена страданья, разлука, тюрьма, —
Лишь негодяй недостойный не ведая скорби живет.

Чистым и ярко блестящим выходит из горна металл.
Пламя металл от изъянов очистит, но угли пожрет.

Вот рассыпаются кудри, скрывая любимой лицо,
Ибо лицо, как предатель, смятенье души выдает.

Клады таятся в развалинах, так же для чистых душой
Часто бывает прибежищем всяческой скверны оплот.

Так же, как черная родинка прекрасной к лицу,
Радость украшена грустью и праздник — годиною забот.

О Видади! На мученья разлуки тебя и меня,
Словно Юсуфа-Канана, жестокий обрек небосвод.

Ты ж для любви, для цепей ее стар, — отойди, Видади!
Пусть молодой их Вагиф за тебя, за себя понесет.

* * *

Увидев лик твой, вмиг о солнце и о луне
я вспомнил.

Целуя губы, о сладчайшем, густом вине я вспомнил.

Подумал тайно—кто б посланье мое отнес
к любимой?

Подумаю так, о быстром ветре, моем коне,
я вспомнил.

Раскрылись губы, и в улыбке блеснули зубы-перлы.
О жемчугах, алмазах светлых в морях, на дне,
я вспомнил.

Я как в дурмане,—страстью пылкой я обречен
на муки:

О косах черных и блестящих, об их огне
я вспомнил.

Подумал тайно—кто посмел бы ее коснуться стана?
Подумаю так, твой пояс узкий, что светит мне,
я вспомнил.

Я снова розу-лик увидел возлюбленной Вагифа.
И вот, любовью одержимый, стихи во сне
я вспомнил.

* * *

На прекрасную пери, что схожа с прозрачной луной,
я обиделся.

На жестокую душу, что тьмы беспросветней ночной,
я обиделся.

Сколько сладостных слов я сказал, не вкусив ничего!
От медвяного рта отделенный высокой стеной,
я обиделся.

Не дала мне вина, только сердца разбила хрусталь...
Испытав на себе виночерпия нрав ледяной,
я обиделся.

Обижаются люди на тех, кто надежду сулит.
И, как видно, недаром на ту, что мне стала родной,
я обиделся.

Догадался я сразу—она не поддастся мольбе,
И, признаться, друзья, лишь по этой причине одной
я обиделся.

* * *

О смеющаяся роза, я в разлуке кровью плачу.
Днем и ночью, задыхаясь, о тебе с любовью плачу.

Я кудрей твоих лишился и мучительно страдаю.
В волосок я превратился, потеряв здоровье — плачу.

Мой тюльпан, твой подбородок вижу я перед глазами.
Опаленный злою страстью, в безысходном зове плачу.

Только вспомню на мгновенье эти черные ресницы,
В грудь мою вонзятся стрелы... Я, припомнив брови,
плачу.

Нет, Вагиф, твоей подруги, и не будешь ты утешен.
Я зову тебя и плачу, слышишь, вновь и вновь я
плачу.

* * *

Свет очей моих ясный — от милой письмо.
Радость в грудь возвратив, окрылило письмо!

Я прочел и к глазам, благодарный, прижал,—
Ты чудесно мне жизнь расцветило, письмо.

Я кровавые слезы в разлуке пролил,
Я ослеп и прочесть был не в силах письмо.

Я в безмолвной тоске на дорогу глядел.
Но, аллах, мне судьба подарила письмо.

О красавица, нежно Вагифа люби,
Чтоб дыханье любви сохранило письмо.

* * *

Все домой вернулись к ночи, нет лишь милой,
 не пришла.
Истекают кровью очи,—истомила, не пришла.

Ах, ушла вся сила вскоре из груди за нею вслед.
Не пришла она, о горе! С ней и сила не пришла.

Если я умру от боли, не спешите хоронить.
Может, та прийти изволит, что сгубила, не пришла.

И не диво, если стану скоро желтым, как шафран,—
Я в разлуке с тонкостанной, что забыла, не пришла.

Нет, Вагиф до встречи с милой не уступит смерти
 жизнь.
Жду, приди, верни мне силу, ах, помилуй!— Не пришла.

* * *

Кто в Джеваншире сочинит
 хотя б один красивый бейт,
Тот земляками будет чтим,
 с Мусой он мудростью сравнится.

К значенью посоха-змеи
 пера значенье приравнять¹
Лишь умудренный мог народ,
 творца отмеченный десницей,

Тот, у кого душа светла,
 жить принужден среди невежд,—
Горит светильник тем ясней,
 чем больше мрак вокруг сгустится.

Надеждой тешусь, что вот-вот
 наступит черным дням конец,
Что перекрасятся они,
 ведь неба синь на них струится.

Не зря облюбовал Вагиф
 холмы скалистые Шуши,—
Благоуханный перл-цветок
 на голом камне лишь ютится.

¹ То есть сделать перо чудодейственным. Намек на предание о чудесном посохе, который святой Муса превратил в змею.

* * *

Я очень рад был получить твое письмо, о Видади!
Тотчас печали отошли, моя душа опять согрета.

Не будет чудом, если вдруг она взлетит под небеса,
Ведь стали крыльями души слова сердечного привета.

Как месяц, я горбатым был, стал сразу полною луной,
Когда дошло ко мне письмо, как луч сверкающего
света.

Как Хызр, душа моя нашла источник вечной жизни
в нем,
Должно быть, строчек чернота—сердечной близости
примета.

В ответ Вагиф хотел создать, о друг, прекрасную
газель,
Но посланный спешил, и я успел придумать
только это.

* * *

Не к лицу игиту зависть, презирает ложь игит.
Будь правдив—и уваженье всюду обретешь, игит.

Скромность смелых украшает, красит искренность
мужей,—
Хвастунов пустоголовых ставит ни во грош игит.

Словно крепость Искандера, неподкупны храбрецы,
Ради пери розоустой путь свой не прервешь, игит.

Только женщины лукавят,—клятве войны верны...
Быть отважным, благородным ты обет даешь, игит.

Покровителем игитов я, Вагиф, зову Али,—
Ты поддержку и защиту у него найдешь, игит.

* * *

Видади, ты на черствые эти сердца погляди
И на время, что мчится вперед без конца, погляди!

На судьбу, что злодея внезапно сровняла с землей,
И на праведный гнев, на десницу творца погляди!

На бессилье того, чей светильник под утро угас,
А вчера вызывал поклоненье льстеца,— погляди!

И на эту надменную голову, павшую в прах,—
Ей уже не носить золотого венца,— погляди!

На того, кто меня без пощады казнить повелел,
На того, кто его превратил в мертвеца, погляди!

Для доски гробовой нужно шаху четыре гвоздя,—
На того, кто от гибели спас кузнеца, погляди!¹

Пусть примером паденья послужит Ага-Мухаммед,—
Опустели роскошные стены дворца,— погляди!

Не гляди на подругу и друга, на сына и дочь.
На творца всемогущего, как на отца, погляди!

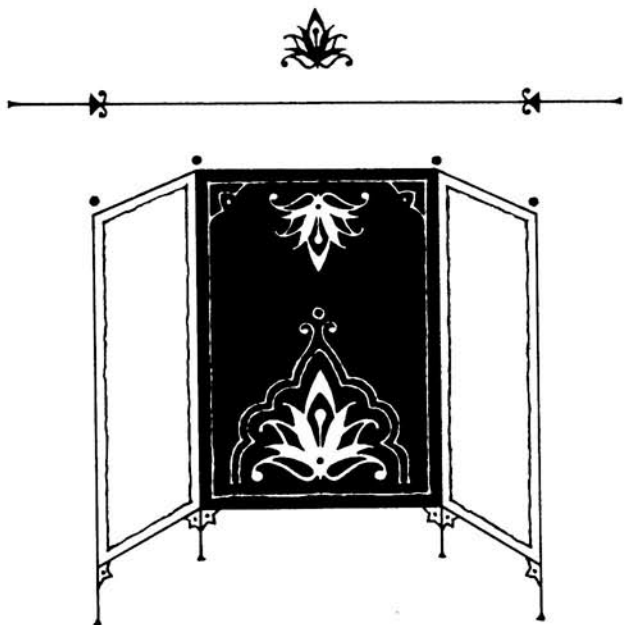
О Вагиф, пред очами твоими пророк Мухаммед,
На избранника божьего и мудреца погляди!

¹ Имеется в виду народное предание о кузнеце, которому разгневанный шах дал невыполнимое задание. Когда срок кончился, к кузнецу, ожидавшему кары, явились придворные и приказали отковать четыре гвоздя для гроба скоропостижно скончавшегося шаха.

МУХАММАСЫ

* * *

Ты цветок, но нежнее тебя не бывают цветы.
Луг за домом твоим — словно рай среди земной суеты.
Поникают колосья, стыдятся, чуть приблизишься ты.
О, преславен творец несравненной твоей красоты!
Нет прекраснее стана, и лика прелестны черты.

Да, лицо твое — роза в прекрасном сиянье кудрей.
Будь, создатель, защитой, от зла и страдания, кудрей.
Вспыхнул грозною смутой Китай от пыланья кудрей.
Страсть ношу в своем сердце я к шелковой ткани
кудрей.

Приковали влюбленных те кудри, что цепью свиты.

Аромат этих кос я вдохнул бы, но нет, не могу!
Неужели ко мне ты безжалостна, словно к врагу,
И стенований не слышишь моих у тебя на лугу?
Что ж найдешь ты, любимая, — видишь — от всех я
бегу.

Без души мое тело, и все увещанья пусты.

Что могли донести ей враги? Клевета их черна.
Отвела от меня взгляд разгневанной лани она.
Моим стонам не внимлет, и чаша страданий полна.
Оттолкнула меня моя роза и мне не верна.
О, проклятье судьбе, — я устал от ее маеты!

Все же верит Вагиф, что ты будешь подругой ему.
Ниц склонился Вагиф и к порогу припал твоему.
И целует Вагиф твои косы и платя кайму.
Обожает Вагиф дуг-бровей твоих черных сурьму.
Ты — Медина и Мекка моей заповедной мечты.

* * *

Такой возлюбленной, как ты прекрасной, не найти.
Кудрей волны такой живой и страстной не найти.
Из бадахшанских, как рубин твой красный, не найти.
Лукмана-мудреца искать напрасно — не найти.
Средств исцеленья от любви несчастной не найти.

Взгляни на знамя молодых воителей-ресниц,
Смотри, как велика их власть, — все земли пали ниц.
Медина, Мекка и Кабул, и целый круг столиц,
Иран, Туран — никто вовек не знал таких цариц.
Нигде красавицы такой всевластной не найти.

В нее влюблен, хотел познать я с ней любовный рай,
Она ж набросила аркан на шею — умирай!
Китай и Бухару пройди, Кашмир, Индокитай,
Пройди Аравию и Рим, в Йемене побывай, —
Такой красавицы, сердцам опасной, не найти.

Пусть сто гяуров выдают себя за мусульман, —
Прочти евангелъе, талмуд, псалтырь прочти, коран,
Иди в Тифлис, в Дербент, в Баку, в Алеппо, Исфаган,
В Дамаск и Гибралтар, сто раз пройди весь Дагестан, —
Красавицы, чей светит взор так ясно, не найти.

Ни в давнем прошлом, ни сейчас певиц подобных нет.
Будь Запад иль Восток — чудес таких не видел свет.
В том, что ее прекрасней нет, готов я дать обет.
Так оцени Вагифа ты, стань счастьем долгих лет, —
Ведь страсти, что равна моей, безгласной, не найти.

* * *

Эй, приятель, как чудесно расцвела твоя сестра!
Сердце мне лукавым взором изожгла твоя сестра.
Лукобровая, прекрасна и светла твоя сестра.
Рот ее — кораллы, жемчуг... Мне мила твоя сестра!
Недоступна, своенравна, весела твоя сестра!

Стан, подобный кипарису, всех стройнее у нее.
Родинка на подбородке всех нежнее у нее.
Как чудесны кудри, плечи, руки, шея у нее!
И разумна и лукава; как в огне я у нее!
Худо ль, если б угощенье поднесла твоя сестра!

Как нарцисс пьянящий — очи и темны и глубоки.
Я скитаюсь дни и ночи, обезумев от тоски.
Вкруг любимой вьюсь, как вьются над свечою

мотыльки.

Сердце, как сквозные соты, разорвалось на куски.
На мою погибель косы расплела твоя сестра!

Обо мне, прошу, скажи ей, что изранен, изожжен.
Как в огне брожу, скажи ей, опиши, как я влюблен.
Я уверен, что заставит застонать ее мой стон.
Если к вам частенько буду приходить, не приглашен, —
Не гони, — вошла мне в сердце, как стрела, твоя сестра.

Стыд и совесть потерял я, изувеченный тоской.
Я в вине ищу спасенья от жестокости такой.
Обожал красоток нежных, а теперь к ним ни ногой.
Потерял последний разум, и терпенье, и покой.
Видно, думает Вагифа сжечь догла твоя сестра!

* * *

Милая,— за что, не знаю,— рассердилась на меня.
Хмельноглазый ангел рая — рассердилась на меня.
Плакать кровью заставляя — рассердилась на меня.
Черных дней луна золотая — рассердилась на меня.
Свет и воздух отнимая — рассердилась на меня.

От ресниц ее жестоких изнывает грудь моя.
Налились глаза слезами — чаши полны по краю.
Утопая в море скорби, невозвратно гибну я.
Сердца гордого не тронешь звонким плачем соловья.
Любо ей, что я страдаю,— рассердилась на меня.

Лишь завидит — отвернется, закрывается платком.
На луну мою, на солнце глянуть бы одним глазком!
На меня смотреть не хочет, будто я ей незнаком.
Видно, недруг мой пред нею очернил меня тайком.
Мне не внемлет дорогая — рассердилась на меня.

Говорю — не хочет слушать, недоверию верна.
На лицо мое ступить бы соизволила она!
Мне без милой жизнь постыла, ненавистна, не нужна.
Знать не хочет, хмурит брови и молчит, оскорблена.
Я в тоске горю-сгораю,— рассердилась на меня.

Бесподобная не скажет — подойди ко мне, Вагиф.
Бесподобная не видит, что горит в огне Вагиф.
Днем и ночью изнывает по своей луне Вагиф,
Но не ведает, не знает о своей вине Вагиф.
Помогите — погибаю! — рассердилась на меня.

* * *

Сходит к нам она, покинув кущи рая утром рано,
Месяц взгляд, смутясь, отводит, догорая утром рано.
Рассыпает кудри, ветру их вверяя, утром рано,
Смотрит, точно луч из тучи, из-под края утром рано.
Словно утро, мир сияньем озаряя утром рано.

Сонно веки приоткрыла, как нарцисс глазок лукавый,
По бровям проводит пальцем, то по левой,
то по правой,
До колен спускает косы, сладкой душит их отравой,
Точно роза заключает стан в зеленую оправу,
Ногти ржаво-красной хною обагривая утром рано.

Всех красавица пленила ясным ликом, нежным телом,
Щек пылающих румянцем, подбородком снежно-белым,
Величавой простотою, обращением умелым.
Где молящиеся? Тихо в доме бога опустелом.
Всех к ногам она повергла, покоряя, утром рано.

Медленно ведет беседу, улыбаясь лишь украдкой.
Одобряют попугаи разговор ее, повадку.
Рот ее смеется, брови, лоб, волос смеется прядка.
Все по-разному смеются, но не так приятно, сладко.
Кто смеется, в смехе сахар растворяя, утром рано?

Райский сад — ее жилище, в нем лишь розам жить
пристало.
Век из раненого сердца стрел ее не вырву жала.
Позабыть не в силах губы, рот, что схож
с гвоздикой алой,
Землю ту Вагиф целует, где нога ее ступала,
Имя милой, как молитву, повторяя утром рано.

* * *

Ах, томленье по ней смертным сном убивает меня!
Блеск ее красоты с каждым днем убивает меня.
А браслет золотой жжет огнем, убивает меня.
К взору темному страсть, мысль о нем убивает меня.
Но сильнее всего бровь серпом убивает меня.

К ее белым рукам так подходит кровавая хна.
Шея — стройный бокал, и глаза — словно чаши без дна.
Белый тюль на платке, а повязка на шапке красна.
Ярким поясом стан свой прелестный стянула она.
Пери-кравчий пьянит им, вином убивает меня.

Щеки свежие, словно букет распустившихся роз,
А на косах ее блещут брызги предутренних рос.
Взор хмельной и сурьмой оттенен и волною волос.
Вот, сжимая рукой шаль-тирмэ, она бродит меж лоз.
Этой шали конец за плечом убивает меня.

Плавной павой идет, грудь колеблется зыбкой волной.
И своих и чужих убивает красы ее зной.
Только вспомню о ней, я безумен от мысли одной.
Опьянели глаза, чуть испили из чаши хмельной.
Взглядом лани она, как мечом, убивает меня.

Я, Вагиф, о прекрасном мечтаю, несчастный певец.
С каждым днем я хирею, и близок уже мой конец.
Та, чья бровь полумесяц, убила меня, я — мертвец.
И на камне могильном моем начертает мудрец:
«Без возлюбленной жизнь, словно гром, убивает меня».

* * *

Извела меня тоска — приходи ко мне, любовь,
Веру прежнюю я сжег в пламени, в огне, любовь,
На дорогу я гляжу — ты нейдешь ко мне, любовь,
Призываю наяву и зову во сне, любовь,
Сладкоустая моя — приходи ко мне, любовь!

И терпенье и покой я теряю по ночам,
Воспаленных вежд своих не смыкаю по ночам,
К небу жалоб череду воссылаю по ночам,
До утра я слезы лью, изнываю по ночам,
Извела меня тоска — приходи ко мне, любовь!

Жажду стана твоего, тонких рук, густых кудрей,
Жажду смуглых плеч твоих, и запястий, и кистей,
Жажду трепетных ресниц и изогнутых бровей.
Жизнь отдам за твой приход — навести меня скорей,
Веру прежнюю я сжег в пламени, в огне, любовь!

Если б вышла погулять ты, красавица моя!
Чтобы милую узреть, превращусь в Санана я,
Сердца я не усмирил, слезы горькие струя.
У михраба стать хочу, пламя страсти затая,
О цветок мой, мой нарцисс, приходи ко мне, любовь!

Иструив потоки слез, головою я поник,
Много бедствий перенес жизни радостный цветник.
На Медждуна стал похож, в чьей груди любви родник.
Каждый шаг мой — как дастан — достоянье мудрых
книг.

На дорогу я гляжу — ты нейдешь ко мне, любовь!

Я в разлуке изнемог, я едва остался жив,—
Все мученья претерпев и тоски не укротив.
Опечаливши друзей и врагов развеселив,
Исцеленья не найдя, стал Фархадом твой Вагиф,
Сладкоустая моя — о, приходи ко мне, любовь!

* * *

Возлюбленную, чье лицо —
цветущий мак, я полюбил,
Красавицу, чей светит взор,
как луч сквозь мрак, я полюбил.
Ресницы-стрелы, брови-лук,
глаза-маяк я полюбил.
Воительницу, что стрелой
разит, как враг, я полюбил.
Красавицу, чье сердце — лед,
не знаю, как я полюбил.

Царица гурий всех, она
проходит поступью хмельной,
Расшитый золотом платок
взмывает с двух сторон волной,
Как будто ангел хочет ввысь
взлететь, покинув край земной,
Со сводом Каабы бровь сравню,
с Мединой — дом ее родной.
И родинку, что так черна,
как мой очаг, — я полюбил.

Когда подует ветерок
и щеки под платком видны,
Сияние лица ее —
упрек для солнца и луны.
Божественным искусством стан,
лицо и руки рождены.

Бела, как лилия, а бровь,
глаза и волосы — черны.
И пальцы, красные от хны,
сильней всех благ я полюбил.

И всякий раз, когда «прощай»
она с порога молвит мне,
Я весь, от головы до ног,
горю на медленном огне.
От стонов жалобных моих
дрожат светила в вышине.
Лей, кравчий, звонкое вино, —
ведь эти звуки в кувшине
Со смехом милой сходны — их,
как счастья знак, я полюбил.

Подруги имя я, Вагиф,
твержу, любовью обуян.
И сердца моего самшит —
ее высокий, стройный стан.
А взор ее — палач души.
От темных глаз ее — аман!
Не думай, будто я влюблен
в неверную, как Шейх-Санан:
Нет, мусульманку, что забыть
нельзя никак, я полюбил.

* * *

Ты — гибкая туба, в саду ты, словно кипарис,
стройна,
А прядь над розою-лицом, как ночь беззвездная,
черна,
И зубы жемчуга белей, и губы — алый перл со дна, —
Тебе судьбою щедрый дар — речь, слаще сахара,
дана.
Не утаю — мед губ твоих вкуснее райского вина.

Лишь гребень кудри разберет, откроется прекрасный
лик.
То вспыхнул молнии огонь иль солнца луч из туч
возник?
.....¹
.....
Крутой минбара полукруг — бровей сурьменных
кривизна.

Глаза сверкают и горят, как опьяненные цветы,
Они красивее стократ, когда поводишь ими ты.
Клянусь, и ангел соловьем воспел бы нежные черты.
И ранят юные сердца ресницы дивной красоты.
Они острее проворных стрел — не минет цели
ни одна.

¹ Во второй строфе этого мухаммаса две строки утрачены.

От солнца красоты твоей мой взор, о пери,
просветлен.
Могу ли от тебя уйти — ведь я навек в тебя влюблен.
Землей, которой ты прошла, я, как лекарством,
исцелен.
О мой цветок, волос твоих волна, которой я пленен,
Сильней, чем амбра и рейхан, благоухания полна.

Да, как возлюбленный — Вагиф, скажу не ложно, выше
всех.
Он без возлюбленной не знал мгновенья радостных
утех.
И быть невеждою в любви он счел бы за тягчайший
грех.
Я только смертный человек, но ты, любимая, из тех,
Что светлых ангелов милей и, словно гурия, нежна.

* * *

О ты, с лицом прелестной пери,
с тобою встреч я жажду.
О ты, с кудрями — амброй пряной,
тебя беречь я жажду.
Душистых, длинных кос-удавов,
бегущих с плеч, я жажду.
К устам прильнуть и стан прелестный
к себе привлечь я жажду.
Взор темный встретить твой, что может,
как пламя, жечь, я жажду.

Покинув полумесяц-бровь,
луной я не люблюсь.
Твое лицо-цветок покинув,
весной я не люблюсь,
Тобою поражен навеки,
другой я не люблюсь,
И попугаев звонких речью
живой я не люблюсь:
Твою, что сладостнее меда,
услышать речь я жажду.

К себе случайных незнакомцев,
любимая, не приближай,
Врага не радуй, мне ж печалью,
любимая, не угрожай.
С глушом не заводи беседу,—
он слов твоих не ценит, знай.

Не избавляй меня от боли,
любовной мукой услаждай,—
Она мила мне, и чтоб ранил
меня твой меч, я жажду.

О, если образ твой исчезнет,—
затмится свет в моих глазах
И стон мой громом разразится
в высоких темных облаках.
Я — твой слуга, ты ж мой всесильный,
ты мой прекрасный падишах.
Луна моя, с тобой разлука
повергла душу в мрак и в прах.
Приди ж,— лица, что ярче светит,
чем сотни свеч, я жажду.

Царица дев луноподобных,
Вагиф убит,— кончай игру!
Ресницы-стрелы остриями
вонзились в сердце — я умру...
Сочится рана кровью алой,
и эту кровь я не сотру.
Цветок прекрасный Карабаха,
едва расцветший поутру,
Я болен — на гранатах нежных
груди возлечь я жажду.

* * *

Ангел мой жестокосердый,
знай, меня отказ убьет.
В длинных, загнутых ресницах
огневой алмаз убьет,
Прелесть персиковой щечки,
где заря зажглась,—убьет.
И кудрей твоих душистых
колдовская вязь убьет,
Прядь, что вдруг на шейке смуглой
дерзко развилась,—убьет.

Прежде не был я безумным,
непутевым не был я,—
Ты меня заворожила,
хворь моя, любовь моя!
Кипарис мой тонкостанный,
ты цветешь, сердца маня;
Душу ранят мне ресницы—
стрел летучих острия,
Смех раскатистый, беспечный,
словно звонкий саз,—убьет.

От ислама я отрекся,
мог я верой пренебречь,
Мне не страшны муки ада,
палача разящий меч.
Ослепил меня навеки
обнаженный мрамор плеч,

И пошел я за тобою,
в сети дал себя увлечь,—
Взгляд прекрасных и неверных
черных жгучих глаз убьет.

Бог свидетель! В исступленья
мир могу я растоптать,
Но святыню не позволю
святотатцам отвергать.
Пусть в огне любви сгораю,
суждено мне пеплом стать,—
Я клянусь, о мусульмане,
зла не буду к ней питать.
Расставанье, так пророчил
я себе не раз, убьет.

Плачь, Вагиф! Твой чистый ангел
навсегда умчался вдаль...
Та, чьи темные ресницы—
словно ранящая сталь.
Знаю,—я умру от горя,
жизнь мою срзлит печаль,
На могильном плоском камне
путник высечет скрижаль:
«Здесь лежит влюбленный, знавший,
что разлуки час убьет!»

* * *

Ты отнимаешь жизнь,— ах, в сердце рана, пери!
С фисташкой схож твой рот, ты смотришь пьяно, пери.
Нет стебля в цветнике прямее стана, пери.
Нет в дивной красоте твоей изъяна, пери.
Твои глаза блестят, как у джейрана, пери.

А шея так стройна, точь-в-точь бокал точеный,
И в косах запах роз и запах амбры сонный.
Твои объятия— рай, белей жасмина лоно,
Уста твои— родник, но не испил влюбленный,
И речь, как у Ширин, сладка и пряна, пери.

Ты, в платье красное облачена, выходишь,
Как из чертога туч во мгле луна, выходишь,
Мир ослепить красой, светла, ясна, выходишь.
Когда к народу ты, восстав от сна, выходишь,
Дрожь бьет сердца людей,— ты так желанна, пери.

Весь мир у ног твоих,— прими почета знаки.
Пусть под твоей пятой увянут в поле маки,
Когда поешь, молчат пусть соловьи во мраке,
За каждый локон твой пусть все засохнут злаки,
За гиб твоих бровей все сгинут страны, пери.

Чтоб заслужить твой взгляд, Вагиф пойдет на муки,
Он, как речной камыш, вздыхает в дни разлуки,
С твоим дворовым псом беседует со скуки;
Ах, за тебя с мольбой протягивая руки,
Взывает к небесам он неустанно, пери.

* * *

Скажи любимой, ветер утра, что изнемог Вагиф,
Скажи,— по ней тоскуя, жалок и одинок Вагиф,
Скажи,— его разбито сердце, и, болен, слег Вагиф,
Скажи,— в огне сгорая, муки снести не мог Вагиф,
Скажи,— подругу поджидая, клянет свой рок Вагиф.

Как мотылек свою сжигает живую плоть в огне,
Как все влюбленные, отвергнут, он поражен
Создателя он вечно молит и стонет в тишине.
Он жизнь отдаст, чтоб змеи-косы ласкать, но не
Скажи,— ни разу не вмешался в людской поток
Вагиф.

Прекрасная, ты кипариса и выше и стройней,
Двух царств богатства недостойны живой красоты
Красавица, от взора скрылась, но сердцу ты милей.
К тебе влекутся мысли, чувства,— меня ты
Скажи ей, ветер,— безучастен и всем далек Вагиф.

Вдали любимую не видят, темны его глаза.
Томим он жаждою, не видят весны его глаза.
Не видят солнца, звезд, не видят луны его глаза.
Он сна не знает, и слезами полны его глаза.
Скажи,— себя в огне любовном нещадно сжег Вагиф.

Скажи: ты, что подобна розе, к страдальцу снизойди
И движущимся кипарисом к Вагифу в сад войди.
Любовь к тебе — источник горя и зла в его груди.
Куда бы взор ни кинул, видит тебя он впереди.
Скажи, — готов расстаться с жизнью у милых ног
Вагиф.

* * *

Ты — ангела родная дочь.
Мне жизни для тебя не жаль.
И тьму и ложь ты гонишь прочь.
Мне жизни для тебя не жаль.
Стенаю тяжко день и ночь.
Мне жизни для тебя не жаль.
Себя изменой не порочь.
Мне жизни для тебя не жаль.
Снести измену мне невмочь.
Мне жизни для тебя не жаль.

Мне горе распирает грудь,
меня измучила тоска.
Я боль свою таю в душе,
так ты мне стала далека.
Как грубо может оттолкнуть
твоя прелестная рука.
Хочу коснуться влажных уст,
но ты черства и жестока.
Молю беде моей помочь.
Мне жизни для тебя не жаль!

Твои уста — живой рубин.
Любой добыть его спешит.
И трус, увидевший тебя,
геройский подвиг совершит.
И мудреца сведет с ума
твой стан, похожий на самшит.

И речь медовая твоя
и птицу голоса лишит.
Я страсть не в силах превозмочь,
мне жизни для тебя не жаль!

Приди к несчастному рабу,
чтоб он у ног твоих лежал,
И в сердце, полное любви,
вонзи сверкающий кинжал.
Недуга не осилить мне,
он стиснул грудь и горло сжал.
Мне твой недружелюбный взгляд
страшнее самых острых жал.
Любовью смерть мою отсрочь,
мне жизни для тебя не жаль!

* * *

Ты мила, как луна, ты свою доброту принесла,
И свою правоту, и свою красоту принесла.
Блеск чарующих глаз, что горят на свету, принесла.
Ты в наш город печальный о счастье мечту принесла.
И восторг, чтоб заполнить сердце пустоту, принесла.

Разве мудрость природы не в нежности воплощена?
Как страшна и черна безграничной тоски глубина!
Я в разлуке с тобой ни покоя не ведал, ни сна.
Мною пролитых слез не вместило бы море без дна.
Ты свой голос, что смог одолеть глухоту, принесла.

Отдаю тебе сердце, как знак поклонения, в дар,
И глаза, где горит огонек изумления,— в дар.
Эту грудь, испытавшую вздох облегчения,— в дар.
Эти губы, что страстные шепчут моления,— в дар.
Ты бесценную радость и чувств полноту принесла.

Ты—явленье искусства, оно воплотилось в тебе,
И крылатые брови—как весть о счастливой судьбе.
Взор надежду сулит и пленителен сам по себе.
Ты—сама доброта, ты со злом в постоянной борьбе.
И в награду друзьям ты свою прямоту принесла.

Не забудет звезды, что ему засияла, Вагиф,
Жил, бывало, в тоске, что глаза увлажняла, Вагиф.
Ведь за время разлуки поплакал немало Вагиф.
Стал бы жалким рабом, если б ты пожелала, Вагиф.
Ты мне свет, что легко победил темноту, принесла.

* * *

Царица правды, ты сюда пришла, как свет в ночи.

Я жду!

Готов я от любой мечты тебе вручить ключи. Я жду!
В число иероглифов живых ты родинку включи.

Я жду!

Глаза мои, душа моя, страданья облегчи! Я жду!
Суровостью, мой светлый друг, раба не огорчи.

Я жду!

О всех терзаниях моих тебе поведал ветерок.
Иль ты по вздоху поняла, что мне ничто теперь

не впрок?

Я в грустных мыслях о тебе изнемогаю долгий срок.
Ты слышала, как я стонал и сетовал на тяжкий рок.
Коль ты пришла на сердца зов, так сердце излечи.

Я жду!

Царица помыслов моих, ты снисходительна вдвойне,
Коль за грядой несчетных дней не позабыла обо мне.
Ты — серебристая луна, блеснувшая в моем окне.
В тебе воплощена мечта, томившая меня во сне.
Прекрасны взора твоего целебные лучи. Я жду!

Нужна Вагифу губ твоих животворящая вода.
Я даже Искандера ключ с ней не сравнил бы никогда.
Я блага рая за тебя готов отдать, моя звезда,
И речи сладостной твоей внимать хотел бы я всегда.
Войди и ласкою меня к блаженству приучи! Я жду!

* * *

Как я счастлив, что вновь ты явилась ко мне! О мой свет!

Ты, как райская птица, мелькнула в окне. О мой свет!
Нежный рот — как бутон, что открылся к весне. О мой свет!

Для тебя я готов извиваться в огне. О мой свет!
Ты мерещилась мне наяву и во сне. О мой свет!

У судьбы ежечасно просил я свиданья с тобой.
Ты явилась ко мне, и теперь я доволен судьбой.
Чем с любимой расстаться, я лучше покончу с собой.
По дорогам окольным соперники бродят гурьбой,
Но ко мне ты пробралась в ночной тишине. О мой свет!

Твой рубиновый рот — это вечный земной непокой.
И кудрей твоих ветер касается нежной рукой.
Начертала судьба ослепительный образ такой.
Без тебя мое сердце наполнено горькой тоской.
Я твой раб и уж тем провинился вдвойне. О мой свет!

Если вздумашь ты от меня, дорогая, уйти, —
Я, рыдая, пойду за тобой по любому пути.
Без тебя никогда не смогу я покоя найти.
Бровь тугая, как лук, у богини была бы в чести,
А ресницы стреле не уступят в длине. О мой свет!

Если ты уж явилась, любимая, не уходи!
Без тебя будет боль нестерпима, не уходи!
И тоска будет неизлечимая, не уходи!
Грудь зачахнет, печалью томимая, не уходи,
Чтоб Вагиф по твоей не терзался вине. О мой свет!

* * *

Шаль шуршащая чернеет на кудрях твоих, краса!
Очи темные мерцают, ночь глядит из них, краса!
Смерть бестрепетно приму я ради них одних, краса!
Сердце кровью истекает в этот горький миг, краса!
За тебя расставшись с жизнью, счастья б я достиг,
краса!

Затмевая всех красавиц, восседаешь ты, стройна,
В многоцветных одеяньях из тончайшего сукна.
Брови — лук, ресницы — стрелы, шаль шуршащая
темна,
Блещешь золотом червонным, вся томления полна,—
Хороша ты в черной шали, краше всех других, краса!

Чаровница оросила кудри розовой водой,
Мне б кружиться, словно гребень, вокруг головки
молодой.

Видел я людей немало — проходили чередой,
А она, небесный ангел, здесь, в обители земной,
Милый ангел в черной шали, в пеленах мирских краса.

Если всех красавиц мира мог бы вместе я собрать,
Все равно другой любимой не сумел бы я избрать,
Снизойдет на молодую пусть господня благодать,—
Погости у нас, готов я жизнь за твой приход отдать,
Навести нас, чаровница, свет очей моих, краса!

Соколица в черной шали — дуги-брови высоки,
Рот — свежей бутонов нежных, губы — точно лепестки,
Точно мак на луговине, точно неги родники.
Почему же краем шали и движением руки
От Вагифа ты скрываешь пламя щек твоих, краса!

* * *

Моя лукавая луна исчезнет поутру,
Сиянием озарена, исчезнет поутру,
Со мной навек разлучена, исчезнет поутру,
Уйдет из города она, исчезнет поутру.
Та, кем душа моя сильна, исчезнет поутру.

Красавица моя всегда была нежна со мной,
Все чувства лучшие мои спешили к ней одной.
Лукавый взор пронзил мне грудь своей стрелой
шальной,—
Потоки слез, затмите свет кровавой пеленой,—
Из сердца прочь уйдет она, исчезнет поутру!

Она любимая моя, души моей покой,
И без нее мне в жизни нет отрады никакой.
О, если б, странствие свершив, вступила в мой покой
Розоволикая,— и скорбь сняло бы как рукой.
Пришла б, как кипарис стройна, вернулась поутру!

О виночерпий, не пора ль душе пуститься в путь,
Рассеивающим печаль певцам пуститься в путь.
Рыданьям флейт пуститься вдаль, слезам пуститься в
путь.

Такая ночь не хороша ль, чтобы пуститься в путь.
Та, кем душа уязвлена, исчезнет поутру.

О, если искренность жива в словах любви, Вагиф,
О, если ведомы тебе пути твои, Вагиф,
Пусть раны сердца глубоки, переживи, Вагиф,
Подумай о себе самом и не зови, Вагиф,
Ту тень, что, трепета полна, исчезнет поутру.

* * *

Вот она, хороша, как луна, тихо вышла из церкви.
Улыбаясь и счастья полна, тихо вышла из церкви.
Вся в парче, словно шах, но одна тихо вышла

из церкви.

Лик открыв и как солнце ясна, тихо вышла из церкви.
Свет вселенной даря, как весна, тихо вышла

из церкви.

Кудри вьются волной и фиалок струят аромат.
И, лица не закрыв, покрывало отбросив назад,
Стройным станом, прекрасным лицом она радует

взгляд.

О господь, пощади,— мне беду ее брови сулят!
Чтобы веру сгубить, неверна, тихо вышла из церкви.

Лунный лик ее медленно всходит и плавно плывет,
И на мир он лучи свои светлыми волнами льет.
Кто увидит ее, изменяет религии тот.
Вот идет— это гурии поступь иль ангела взлет?
Христианка, как пери нежна, тихо вышла из церкви.

Грудь под тонкой сорочкой прелестнее райских долин.
Пламя это иль поле, где благоухает жасмин?
Ее зубы— жемчужины, губы— иеменский рубин.
Кто увидит бровей ее дуги хоть раз лишь один,
Забывает мечеть, чуть она тихо выйдет из церкви.

Я, Вагиф, увидав ее взор и пленительный стан,
Позабыл про минбар и михраб, веру всех мусульман.
Лишь теперь понял я, что случилось с тобой,
Шейх-Санан.
Иль Тифлис затоплю я слезами, тоской обуян,
Иль она для меня, влюблена, тихо выйдет из церкви.

* * *

Мне нравятся в этом саду кипарис и платан.
Какие душистые розы раскрыл гюлистан!
Кольшет надменную чашечку стройный тюльпан,
И мак пламенеет,— он так бархатист и багрян!
Красавиц Тифлиса с цветами сравнил мой дастан.

Здесь гурии, пери и ангелы все собрались.
Прославим земное подобие рая — Тифлис!
У здешних красавиц ресницы опущены вниз,
Глаза — как нарциссы, пленительный стан — кипарис.
Их облик сравню я с луной, что глядит сквозь туман.

Цветка полевого нежней и невинней они,
Хотя и пронзили мне сердце отныне они.
Какое являют изящество линий они!
Нарядом поспорят с окраской павлиньей они,—
Цветистому шелку уступит и пестрый фазан.

Чело их как солнце, украсившее небеса.
Серебряно-белая грудь, и тугая коса,
И нежные ручки — пророка Мусы чудеса.
Медвяная речь, обольстительные голоса
Тебя погружают внезапно в любовный дурман.

Их брови изогнуты на удивленье умам,
Как ниша, в которой свершает молитву имам.
Глаза их подобны нарциссам — нежнейшим цветам,
А губы румяны у женщин и девушек там,
Как яркие лалы, прославившие Бадахшан.

Мне кажется, их красоту, как светильники, бог
Рукой осторожной одну о другую зажег.
Нигде не видал я таких подбородков и щек,
Чья кожа прозрачна, как розы живой лепесток.
Не знает она ядовитых белил и румян.

Весь мир обойду, но красавиц таких не найду.
От века у них благородство осанки в роду.
Как будто бы ангелы бродят у всех на виду,
Затмив ослепительных гурий, что в райском саду
Ласкают своими напевами слух мусульман.

Какой красотой отличаются жены грузин!
Я тайного смысла ищу и причину причин
Того, что ее совершенство достигло вершин.
Друзья мои, в силах ответить создатель один,—
Откуда подобною прелестью мир сияет?

Глядишь на красавиц,—и нет изумленью конца.
Далеко она простирается, милость творца.
Скажу я,—аллахом проявлена щедрость отца.
Как яблоко, обрисовал он округлость лица.
Венец мирозданья—грузинской красавицы стан.

Прекрасным без счета аллах расточает дары.
Тела их прохладны в часы нестерпимой жары,
Как лебедь, обрызганный пенной волною Куры,
Как снег на вершине серебряной с чернью горы,
Чей в небо отчетливо врезан узорный чекан.

На банях тифлиских лежит совершенства печать.
Кто черпает воду Куры—обретет благодать.
Какая у жителей здешних осанка и стать!
Правителю их суждено благородством блистать,
Затмив повелителей многих народов и стран.

Обители гурий воздам восхищения дань.
В Тифлисе имеется семь удивительных бань,
И каждая светится, словно алмазная грань.
Создателю слава, над нами простершему длань,—
Сквозь толщу земную пробился горячий фонтан.

Блестящие плиты бассейна прохладнее льда.
Смущенно и благоговейно гляжу я туда.
На мрамор струится жемчужным потоком вода.
Я зрелищем этим готов любоваться всегда.
Здесь, кажется, век прстоишь, как немой истукан.

Хотя ты владеешь источником жизни, Хизир,—
Тифлиссские бани—для тела неслыханный пир.
Взгляни же на блестящий мрамор, на чистый порфир!
Душа ощутит неземное блаженство и мир,
Таится спокойствие в глуби сверкающих ванн.

Приезжему кажется пестрою сказкой Тифлис,
А недругу—острою сталью дамасской Тифлис.
Недобрые люди обходят с опаской Тифлис,
Но славится гостеприимством и лаской Тифлис.
Радушия редкостный дар ему издавна дан.

Ты не был, Вагиф, никогда лицемерен и лжив.
Проси же всевышнего, душу в молитву вложив,—
Пусть будет Ираклий с его домочадцами жив
И пусть, неусыпной заботою всех окружив,
Аллах благодати ему ниспошлет океан.

* * *

Головой к груди прижаться
и на миг познать забвенье,
Любоваться легкой прядкой,
что легла на щеки тенью,
Взять за тонкое запястье,
где звенят запястий звенья,
И, обнявшись, на балконе
вместе быть весь день весенний,
В поцелуе исступленном
замерев в оцепененье.

Осмелев, с лица любимой
сбросив шелк золототканый,
Развязать расшитый пояс
туго стянутого стана,
С губ сорвать намек запретный,
рот ее увидеть рдяный,
Чтоб она ко мне приникла
обнаженной и желанной,
Только жемчуг ей оставить
в волосах для украшения.

Провести рукой по косам,
перевитым жемчугами,
Пряно пахнущим нарциссом
и цветущими лугами,
Любоваться юной грудью,
обнаженными сосками

И познать, целуя страстно,
мед и горечь, лед и пламя,
Обо всем забыть на свете
в это дивное мгновенье.

Никогда не насыщаясь,
любоваться ею снова.
Безрассудно подчиняясь
силе чувства молодого,
Просыпаться освеженным,
к пиру новому готовым,
И, прижавшись, упиваться
звонким смехом родниковым.
И рассказывать друг другу
все, что было в сновиденье.

Чтобы нас никто не слышал,
клясться в чувстве неизменном.
Обещать любовь до гроба,
все сокровища вселенной.
И глаза и щеки милой
целовать попеременно...
А потом расстаться с нею,
будто вырваться из плена,
И, Вагифу уподобясь,
о другой мечтать в томленье.

* * *

Розоволикая моя,
 прикрыв лицо платком, стоит,
Двурогий месяц в облаках,
 любовью к ней влеком, стоит,
Как строгий ангел в небесах,
 крылатым двойником стоит,
Как стройный тополь, окружен
 веселым цветником, стоит,
Так, брови луком изогнув,
 она в кругу людском стоит.

Струит рейхана аромат
 ее дыхание, аллах,
Она рейхана во сто крат
 благоуханнее, аллах,
Уста рубинами горят,
 суля лобзание, аллах,
За ними перлы встали в ряд,
 дразня желание, аллах,
Иль то брильянтовый ларец
 перед ростовщиком стоит?

Обитель сокровений всех
 на дне ее бездонных глаз.
Убив меня, сокрыли грех
 озера удлинённых глаз.
Ты — падишах моих утех,
 лукавый свет смущённых глаз,

Полны колчаны стрел-ресниц,
 горят зеницы черных глаз,—
Души безжалостный палач
 передо мной с клинком стоит.

Ее румяное лицо
 тугим платком окаймлено,
Росистой розы лепесток
 напоминает мне оно,
Подобно сыну Мариам
 ей чудеса творить дано,
Природу всю животворит
 ее дыхание одно,
Похитив нежные сердца,
 она в кругу мирском стоит.

Пройдут года — красу затмив,
 очарованье не умрет,
Усладу памяти продлив,
 очарованье не умрет,
Блаженных дней, ночей благих
 очарованье не умрет,
Небесной гурии, Вагиф,
 очарованье не умрет,
Пред нею ангелов толпа
 сияющим полком стоит!

* * *

Если ищешь улады, красавицу ту полюби,
Чьи ланиты румяны, как розы в цвету, полюби,
Говорок попугая, речей остроту полюби,
Тонкий стан, мрамор тела, волос черноту полюби,
Ты ее красоту, простоту, прямоту полюби.

Виночерпий скупится,— ах, жаждущим несдобровать!
Не обидно ли душу в куски, как стекло, разбивать.
Век скитаться по свету, бродить без дорог,

тосковать?

Лучше ту, чье призванье влюбленных сердца
врачевать,
Ту, что ценит поэтов, за ум, доброту полюби.

Эти полные руки — такой серебро белизны,
Круглый холм живота, что белей белопенной волны,
Эту нежную грудь — белый жемчуг морской глубины,
Ослепительный лик, белизну отразивший луны,
Шитый золотом шарф, голубую фату полюби.

Ароматным дыханьем, как чашечки лилий, полна,
Круглолицая, с телом зеркальным, приятна она.
Дружелюбна, кокетлива в меру и в меру нежна,
Приоткрыла платок, стала вся на мгновенье видна;
В пери каждую ты дорожую черту полюби.

Полагать, что улыбки — признанья печать,
ни к чему.
Каждый брошенный взгляд вспышкой страсти
встречать ни к чему.
Ту, чье скрыто сиянье, луной величать ни к чему.
О Вагиф, полюбить, чтоб тотчас заскучать,
ни к чему.
Ты подругу навек, так, как любят мечту, полюби.

* * *

Ты превращаешься зимой в усладу рая, шуба,
Монахи льнут к тебе, на сан свой невзирая, шуба;
Согрела ты сердца вельмож, всех покоряя, шуба;
Когда пурга метет, насквозь нас пробирая, шуба,
Из тысячи одежд тебя я выбираю, шуба.

Где шуба, там атлас, парча и все шелка к чему?
Доха, чоха для богача и бедняка к чему?
Перина, что, как облака, мягка, легка, к чему?
Объятья, теплая рука, пушок-щека к чему?
В объятьях сладостных твоих я замираю, шуба.

Пускай не удлинится день отныне ни на час,
Пусть ветер злится все сильнее, чтоб заморозить
наш,
Пусть дует в щели, не хочу я дом чинить сейчас,—
Ты—прочный панцирь, что меня от стрел мороза спас.
Тобой укрытый, пот со лба я вытираю, шуба.

Увы, все говорит за то, что близится весна.
Не надо мне ее совсем, весна мне не нужна.
Не все ль равно теперь, придет иль не придет она.
Ах, мне сейчас не до нее, иным душа полна,
Я нежусь, ласковым мехам себя вверяя, шуба.

К тебе вниманье проявил создатель, о Вагиф,
Рукою хана¹ щедро так тебя вознаградив.
Безмерно возгордись, Вагиф, подарок обновив,—
Подносит падишах пашам такое диво див,
Хаканом сделала тебя, красою края, шуба.

¹ Имеется в виду правитель Ширвана Гусейн-хан, поэт, известный под псевдонимом Муштаг, современник и близкий друг Вагифа.

* * *

Всю ночь мечтая о тебе, я не могу уснуть, ружье!
Насечкою из серебра могло бы ты блеснуть, ружье.
Мне в сердце искру заронив, ты опалило грудь, ружье.
Как дым по твоему стволу, мой вздох свершает путь,
Щекой к прикладу твоему мне не дано прильнуть,
ружье.
ружье.

Коль о ружье заходит речь, я свирепею, словно лев.
Как злое пламя, сердце жечь мне начинают скорбь и
гнев.

И от бессилья своего я слезы лью, оцепенев,
Мне запах пороха милей, чем кудри мускусные дев,
Но этот сладкий аромат мне не дано вдохнуть, ружье!

Я в поисках ружья зачах, я исходил весь Карабах,
К аллаху обращался я в своих бесчисленных мольбах,
Чтоб он мне милость оказал, заботясь о своих рабах.
И наконец ширванский хан с улыбкой сладкой на губах
Прислать в подарок мне сулил,—сам хан, не кто-
нибудь!—ружье.

И внял я ласковым речам, как легковерный человек.
Уже в горах растаял снег и начались разливы рек,—
Я на дорогу все гляжу, обещанного ждать мне век!
Поныне ищет, говорят, ружье красноречивый бек.
Хоть ты и редкостный товар,—совсем не в этом
суть,—ружье!

Я благородное ружье всему согласен предпочесть.
Оно от лютого врага оберегает жизнь и честь.
И помогает храбрецу осуществить святую месть.
Неужто примешь ты, Вагиф, ружье, какое ни на есть?
Украшенное серебром, отменное добудь ружье!

* * *

Ага мне подарил чоху, подобной нет у хана,
Одежды цезаря она изящней и султана.
Дороже сотни новых шуб великого хакана,
Ах, каждая пола ценней набитого кармана,
Подола, полного монет червонного чекана.

Ну и чоха, как пух легка, что мне еще сказать!
С ней не сравнить меха, шелка, что мне еще сказать!
Бесценный сделал дар ага, что мне еще сказать!
Портной — колдун наверняка, что мне еще сказать!
Он Аристотеля мудрей, искуснее Лукмана.

Эй ты, святоша, райских благ ценитель, помолчи.
Довольно бредить, больше нас смиренью не учи.
Ты ж не слепой, взгляни сюда, минуту улучи,—
Не правда ли, чоха ценней наряда из парчи?
Скажи, не стоит ли она сокровищ Индостана?

Убранства лучше нет; чоху да хвалят все уста.
Пусть будет жизнь аги долга, живет пусть лет до ста.
Кто видел где такой узор, подобные цвета?
Ах, в каждом шве ее размах, величье, красота.
Достоин несравненный крой лишь талии гылмана.

Когда б одежда гурий-пав мне по плечу пришлась,
Когда б сменил я свой наряд на бархат и атлас,
Я б не гордился, верьте, так, как я горжусь сейчас.
Таким восторгом грудь моя сегодня налилась,
Как будто я глотнул вина из чаши Сулеймана.

Велик аллах, бесценный клад судьба послала мне.
Я всем завистникам своим сочувствую вполне.
Такое счастье никому не снилось и во сне,—
Надеть чоху и простоять часок наедине
С той гурией, чей стан стройней тубы прямого стана.

Эх, хороша чоха, такой на свете нет второй!
Ослепнешь, лучше не гляди, скорей глаза закрой.
Как вдохновение певца отделка и покрой,
Напоминает стих Джами изящных складок строй,
С началом бейта ворот схож, с созвучием дастана.

Чоха из лучшего сукна идет владельцу впрок.
Он всюду вхож, он всеми чтим, его лелеет рок.
Хоть сам колючка — розу он возлюбленной нарек.
Поклонниц много у него, — богат он, как пророк.
Чоха ценней, чем богача Каруна караваны.

Такая красная чоха — всех благ земных исток.
Чоха ли это иль рубин? Чоха или цветок?
Иль колыхание зари, окрасившей восток?
Или намоченный в крови рубахи лоскуток,
Что глаз Иакова лишил в долине Канаана?

Слуга хакана, если тот не скуп и не сварлив,
Живет прекрасно, ни нужды, ни горя не вкусив,
Он вхож в богатые дома, он дерзок и спесив.
Что ж обойден и жалок так в чохе своей Вагиф?
Ведь впору быть счастливицу в ней спесивей богдыхана.

* * *

Нанесла ты мне много мучительных ран, борода.
И за то накажи тебя бог мусульман, борода!
Больших бедствий не мог причинить ураган, борода.
Хоть бы вражий тебя отхватил ятаган, борода!
На беду сотворил тебя злобный шайтан, борода.

До поры не знавал я любовных обид и невзгод.
Был я молод, румян и вдобавок еще безбород.
Целовал я красавиц в уста, источавшие мед.
А теперь надо мной потешается дев хоровод,—
От меня отвратила такой гюлистан борода!

И недаром я жизни своей омраченной не рад.
Ты меня осрамила, лишила блаженных услад,
Ты объедков полна, издающих зловонье и смрад.
От тебя с отвращеньем отводят красавицы взгляд,
Изгибая надменно свой трепетный стан, борода.

Будь на каждый твой волос нанизан смарагд или лал,
Все равно бы такого добра я иметь не желал.
Не снисходят красотки ко мне, как бы я ни пылал.
Ты не стоишь соломы, тобой бы я хлев устилал,
Будь ты колос пшеничный иль даже рейхан, борода!

Мысль о старости близкой вонзается в сердце как нож.
Ты— черна, но Вагифа бросает заранее в дрожь:
Поседеешь— он с белой собакой окажется схож,
И на свадьбе, где пляшет, резвится, поет молодежь.
Он прижмется к стене, одинок и незван, борода!

* * *

Я правду искал, но правды снова и снова нет.
Все подло, лживо и криво— на свете прямого нет.
Друзья говорят,— в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду— решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей—
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей.
Их всех сожрала повседневность, оторванность

от людей,

И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей—
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.

Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чье бы печальное сердце ты ни развеселил,
Оно тебе злом оплатит по мере сил,
Им неприятен всякий, кто доброе совершил,
На целом огромном свете мне друга родного нет.

Ученый и с ним невежда, учитель и ученик—
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в молл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли— за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал прах забытых гробов,
Из щебня я делал яхонт, с камня срывал покров,
В бриллианты мог превращать я бляхи на шеях ослов,
Признанья искал, но мир мне ответил сурово — нет!

Тот, кто дворец Джемшида в развалины превратил,
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.
Нет никого, кто б в горе кровь свою не пролил,
Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства — и царства другого нет.

Тут на людей, как солнце, свой излучаешь свет —
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, стыдливость давно уж утратил
свет.

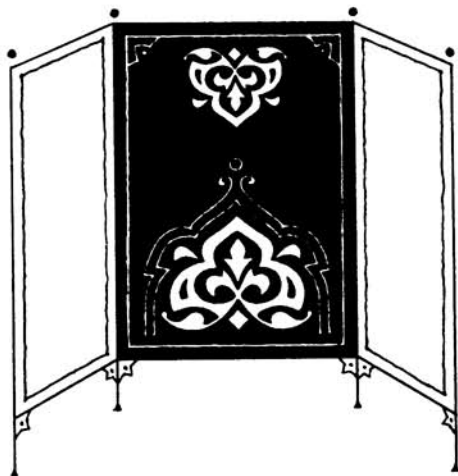
Услышали мы, что где-то найден честности след,
Я долго искал и знаю: чувства такого нет.

Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок,
Щедрости нет у богатых — у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.

Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлеченья женской, невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.

.....
.....
Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостию своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет.

МУСТЕЗАДЫ

* * *

Как прекрасна любимая пери! Она нарядилась
В зеленую шаль.
Словно роза, что свежих росинок полна, нарядилась
И гонит печаль.

Тонким слоем румян освежила лицо, заалела
Зарей поутру.
И за ней, что в зеленый наряд, как весна, нарядилась,
Побрел бы я вдаль.

Опьяняют меня насурьмленная бровь, и улыбка,
И запах кудрей.
Я взмолился: пускай ты нежна и стройна, нарядилась,—
Но сердца не жаль!

От лукавых очей никуда не уйти, а в движеньях
Таится беда.
Чтобы сердце пронзить, ей стрела не нужна,—
нарядилась
И ранит, как сталь.

Что за чудо, Вагиф,— кипарис приуныл, видя стройной
Красавицы стан.
За нее, что в шелка из волшебного сна нарядилась,
Мне жизни не жаль.

* * *

Если б снова, красотка, что схожа с луной, ты пришла
И рассеялась мгла.
Если б, милая, сжалившись вдруг надо мной, ты
пришла
И беде помогла.

Я измучен разлукой. И ночью и днем я в тоске,
Я не ем и не сплю.
Если б, стройная лань красоты неземной, ты пришла,
Чтоб избавить от зла.

Я, подобно Фархаду, страдаю, мой друг, помоги,
Пощади, приходи!
Если б, зная, как тягостны жажда и зной, ты пришла
И ко мне снизошла.

Страсть безжалостно мучит Вагифа в ночи, и томит,
И сжигает дотла.
Если б, вняв моим стонам порою ночной, ты пришла
И от муки спасла!

* * *

Когда спешишь, потупя взор, закрыться, как бутон,
Томится каждый, во сто крат сильней воспламенен.
Тобой пленен я,—что таить,—ты слышишь сердца
стон,
Мое стремление к тебе прервет лишь смертный сон,—
Так смело покажись тому, кто страстью уязвлен,
Откройся, молит он!

Клянусь, изъяна на щеках смугло-румяных нет,—
Его—в жемчужинах-зубах, в устах медвяных нет,
Ни пряди выцветшей в кудрях благоуханных нет,
Изгиба грубого, поверь, в бровях сурьмяных нет,—
Так смело покажись тому, кто страстью уязвлен,
Откройся, молит он!

Твой лик, округлый как луна, уж я стократ видал,
Я стрелы черные ресниц и жгучий взгляд видал,
Твою подругу и тебя сто раз подряд видал,
Моих мучений и услад бесценный клад видал,—
Так смело покажись тому, кто страстью уязвлен,
Откройся, молит он!

О черноглазая, ужель боишься сглаза ты!
Что закрываешь без нужды прелестные черты?
Дай наглядеться на красу—лишь о тебе мечты;
Пойми,—я духом изнемог от долгой маеты!
Так смело покажись тому, кто страстью уязвлен,
Откройся, молит он!

Коль закрывалась бы, других завидя невзначай,
Не возражал бы; но, меня узрев, не опускай
Цветистой ткани на лицо иль отверни хоть край,—
Будь благосклонна! В бездну мук Вагифа не ввергай!
О, смело покажись тому, кто страстью уязвлен.
Откройся, молит он!

* * *

Надо золотом светлым расшить нимтене воротник
И тончайшие выбрать шелка,
Чтоб старательный шов незаметно для глаза возник,
Как блестящая нить паука.
Чтоб любимый к любимой на вышивке нежно приник
И любовь их тянулась века,
Чтоб рисунок, похожий на лунный сияющий лик,
Проплывал, озарив облака.
Чтоб моя нимтене вызывала восторженный крик,
Изощренному вкусу близка,
Чтоб сияла она, как серебряный горный родник,
Как живая лесная река.
Чтоб ценитель иной в кропотливую вышивку вник
И промолвил: работа тонка,
Этот ласковый шелк, словно солнца трепещущий блик,
Тут прошлась чародея рука.
Покрывало Каабы—чудесной одежды двойник.
К нимтене прикоснувшись слегка,
Улыбается юноша и молодеет старик,
Исчезают печаль и тоска.
Да затмят навсегда всемогущего шаха наряд
Нимтене неземные тона.
Нет, не свадебных платьев на ней украшенья горят,—
Из лучей нимтене сплетена.
Пусть чудесные краски и разум и сердце пьянят
Веселее и легче вина.
И когда заблестит позолоченных пуговиц ряд,
Даже полночь не будет темна.

Нарядясь в нимтене и вкусив ее прелести яд,
Пусть хмелеет от счастья жена,
Чтоб дела ее мужа пошли поскорее на лад,
Чтоб сияла она, как луна.
Пусть блестящие косы, как змеи, свисают до пят
И чарует очей глубина.
Пусть слова мудрецов с восхищеньем читают и чтят,—
Нимтене для красавиц нужна.
Пусть легенды о ней по бесчисленным странам летят,
Все наряды затмила она,
Каждый путник пред ней головой изумленной поник,—
Красота покоряет века.

А как только наряд будет скроен, и сшит, и расшит,
Чтобы тешить людские сердца,
Пусть гонец поскорее доставить его поспешит,
Пусть повсюду торопят гонца.
Тот, кто тронется в путь и препятствия все сокрушит,
Не боясь ни огня, ни свинца,
Тот подругу добудет стройнее, чем стройный самшит,
И полюбит она молодца.
Из Тавриза невеста немало сердец всполошит.
Пусть мой сын, по совету отца,
Помышляя о милой, в Тавризе свой путь завершит,
Где красавица ждет храбреца.
Пусть мой сын для грядущего дальний поход совершит,
Отстранив мудреца и глупца.
Ведь любовь даже нищего горя и скорби лишит,
Станет хижина краше дворца.
Пусть родится дитя, что улыбкой тебя рассмешит,
С розой схожее цветом лица.
Кто к любимой жене и к родимому дому привык,
Для того и невзгода легка.

Я воспел нимтене, и пускай упрекают меня,—
Ты, мол, щеголь, такой и сякой,

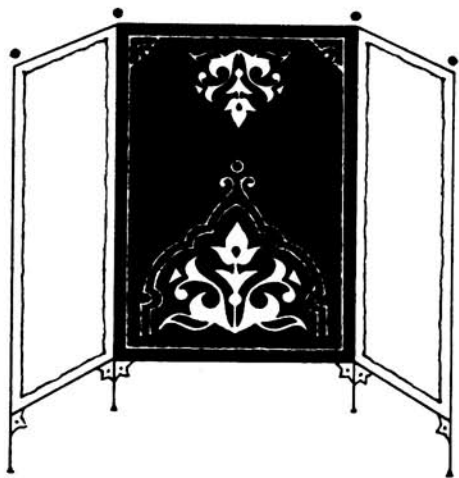
Ты, обычай мудрых и строгих людей хороня,
О нарядах поешь день-деньской.
По примеру афганцев, пустой побрякушкой звеня,
Ты твердишь об одежде людской.
Со своей нимтене ты не знаешь ни ночи, ни дня,
Потерял ты и сон и покой.
Шахсеван и лезгин, драгоценную строгость храня,
Не хотят мишуры никакой.
Ты ж на ересь немало душевного тратишь огня
И теряешь характер мужской.
Ведь недавно еще, щегольство и кокетство кляня,
Ты на тряпки махнул бы рукой,
Почему ж ты теперь, все другие наряды браня,
Нимтене воспеваешь с тоской?
Я пою красоту и, хулителей строгих гоня,
Ни с одной не расстанусь строкой,
Повелел нам аллах, несказанно могуч и велик,
Жен лелеять и кутать в шелка.

Как Вагифу не быть очарованным юной женой?
Стройным станом любитесь он.
Он за счастье готов расплатиться высокой ценой,
И любовь — для Вагифа закон.
Как на жгучий огонь мотылек налетает ночной,
В разноцветное пламя влюблен,
Так и я ощущаю любви обжигающий зной,
Неземной красотой ослеплен.
Без любимой подруги ночами не спишь, как больной,
Только слышишь свой собственный стон.
И в слезах одиночества тонет весь мир остальной,
Не приходит спасительный сон.
Чьи объятия пусты, кто лишился подруги родной,
Тот все время идет под уклон,
Для него навсегда беспросветной закрыт пеленой,
Затуманен слезой небосклон.

И нередко твердит молодец одинокий иной:
Не нужны мне ни слава, ни трон,
Только любящий взгляд в одинокое сердце проник,
И к руке прикоснулась рука!

МУАШТАРЫ

* * *

Удивляются розы румянцу и нежности щек.
Эта бровь — полумесяца круто изогнутый рог.
Даже ангел, робея, ступил бы на этот порог.
За тебя, не колеблясь, я б жизнью пожертвовать мог.
Среди многих красавиц красавицу выделил рок.
Мой восторг перед ней, как бездонное море, глубок.
Этот пламенный рок, как живого цветка лепесток,
Шелковистые локоны в памяти я уберег.
Миловидная родинка жжет меня, как уголек.
От горячей любви, от бессонницы я изнемог.

Я вдали от тебя обращаюсь нередко к вину
И надеюсь, мой друг, что простишь ты мне эту вину.
Из-за нежных кудрей я к бокалу настойчиво льну
И пристрастие свое и разлуку с любимой кляню.
Я от страсти пылаю, я в звонком бокале тону,
Потому что люблю и желаю тебя лишь одну.
Виночерпию я открываю любви глубину,
Наливаю бокал и опять опускаюсь ко дну.
Но меня не утешить ни влагой волшебной, ни сну.
Если ты перейти не позволишь заветный порог.

Если б не был похож на тебя тонкостанный бокал,
Разве я бы так часто пылающей влаги алкал?
И графин узкогорлый я реже б, наверно, искал,
Но, касаясь графина, я шею любимой ласкал.
Я в разлуке с тобою на муки себя обрекал.
Если б к сердцу любимой дорогу я вновь отыскал,
Я бы милую пери в жестокости не упрекал.

Пусть волшебный бокал ежечасно меня привлекал,
Но заветного чувства ни разу я не расплескал.
От холодности вечной измучился я и продрог.

Пусть к вину я привык,— я не влагой рубиновой пьян.
Схож с устами любимой пылающий алый стакан,
И тянусь я к нему, безрассудством любви обуян.
Словно птица, спешащая в сторону солнечных стран,
Угодил я в тенета, летя сквозь любовный туман.
Если бедное сердце нежданно попало в капкан,
Утешают его только винный дурман и обман,
А мудрее лекарства не знали Платон и Лукман.
В дни тоски без вина даже лучшие яства не впрок.

Я, подобно Вагифу, о шелковых прядях твержу.
Я томлюсь от любви и от сдержанной страсти дрожу,
Я в томительный трепет, подобно струне, прихожу,
И сочувствие я у любимых друзей нахожу.
Я к плеяде влюбленных давно уже принадлежу.
Словно тара, согнувшись под грузом любви, я хожу.
Даже если я сердце свое пред тобой обнажу,
Не поймешь ты, любимая, как я тобой дорожу.
Я желанное имя в бессонные ночи твержу.
От жестокой тоски изнемог я и падаю с ног.

* * *

Кумир мой, услышать
твою соловьиную речь я хочу!
Твой чистый родник
для себя одного убережь я хочу.
Игрою лукавых очей твоих
сердце зажечь я хочу,
И родинки нежной увидеть зерно—
не перечь!— я хочу.
И солнца восход из-под круглых бровей
подстеречь я хочу.
Твой стан кипариса стройнее,—
под сенью прилечь я хочу.
В твой образ мечту о прекрасном
навекы облечь я хочу.
Глядеть, как блестящие кудри
сбегают вдоль плеч, я хочу.
В разлуке с тобою, цветник мой,
бесчисленных встреч я хочу.
Кумир мой, услышать
твою соловьиную речь я хочу!

Недавно расцветшего сада
вдохнуть аромат нам пора.
Для пиршества сдвинуть столы в цветнике.
говорят, нам пора.
И дружбы скрепить договор,
позабывши разлад, нам пора.
Достойно отпраздновать встречу с тобой
стократ нам пора.

Понять, что суровой зимы
угрожает возврат, нам пора.
Себя наконец излечить от любви,
как Буграт, нам пора.
По волосу в рай, как по мосту,
шагнуть через ад нам пора¹.
С возлюбленной соединиться,
не зная преград, нам пора,
Затем, что пришла
для приятных бесед и усад нам пора.
Кумир мой, услышать
твою соловьиную речь я хочу!

От горестной жизни,
что мне без любви не мила, отрекусь.
От сердца, сожженного
мукой любовной дотла, отрекусь.
Подобно летящим в огонь мотылькам,—
от крыла отрекусь.
От стройных красавиц,—
светлей серебра их тела,— отрекусь.
Хоть ярче бутона
природа уста им дала,— отрекусь!
От алого мака, от розы,
что снежно-бела, отрекусь.
От всех наслаждений земных,
от добра и от зла отрекусь.
От той, что с улыбкой жемчужной
глядит в зеркала, отрекусь.

¹ По представлению верующих мусульман, все умершие, чтобы попасть в рай, должны пройти через мост, перекинутый над геенной. Мост этот тоньше волоса и острее бритвы, но праведники легко пробегают по нему.

От сладкого меда,
которым полна пиала, отрекусь.
Твой чистый родник
для себя одного убережь я хочу.

Лишившись покоя, безвольным,
влюбленным, ашиком я стал.
Терпенье утратив,
страдальцем с подавленным криком я стал.
Как гребень, грустить по кудрям
над серебряным ликом я стал.
Бесплодной любовью томим,
пересохшим арыком я стал.
И вот у тебя на дороге
в смятении диком я стал.
Дорожному праху подобен,
в молчанье великом я стал.
Тянуться к румяным устам—
ароматным гвоздикам— я стал.
Сродни подаянья просящим с сумой
горемыкам я стал.
Как раненый лев,
исходить устрашающим рыком я стал.
Игрою лукавых очей твоих
сердце зажечь я хочу.

О, как я влюблен в твой серебряный лик,
в кипарисовый стан.
Не слезы мои застилают глаза,
а кровавый туман.
Я страстные письма пишу ежедневно,
тоской обуян.
Мне хочется слиться с тобой.
Твой лик, словно роза, румян.

В борьбе против злобного рока
бессилен любой талисман.
Недаром я так легковерно поддался
на черный обман,
И кольца кудрей шелковистых
меня заманили в капкан.
Мне нет утешения в чаше,
от розовых вин я не пьян.
Как праздник, свиданьем с тобою
да будет мой день осиян.
И солнца восход из-под круглых бровей
подстеречь я хочу.

Сегодня мне ветер от милой
принес до рассвета письмо.
И запахом амбры туманит
сознание мне это письмо.
В себе не таит благовоний
китайских секрета письмо,
Но пахнет, как роза
в счастливую пору расцвета, письмо.
И неугасимым дыханием
жизни согрето письмо.
Как много вместило в себя
доброты и привета письмо!
Теперь ежедневно нужно ты мне,
счастья примета — письмо.
Подобно скрижалям судьбы,
преисполнено света письмо,
Пусть мускусной тушью украшено
и приедет письмо, —
Но родинки нежной увидеть зерно —
не перечь! — я хочу!

Однажды к рубинам пылающих уст
я надолго приник.

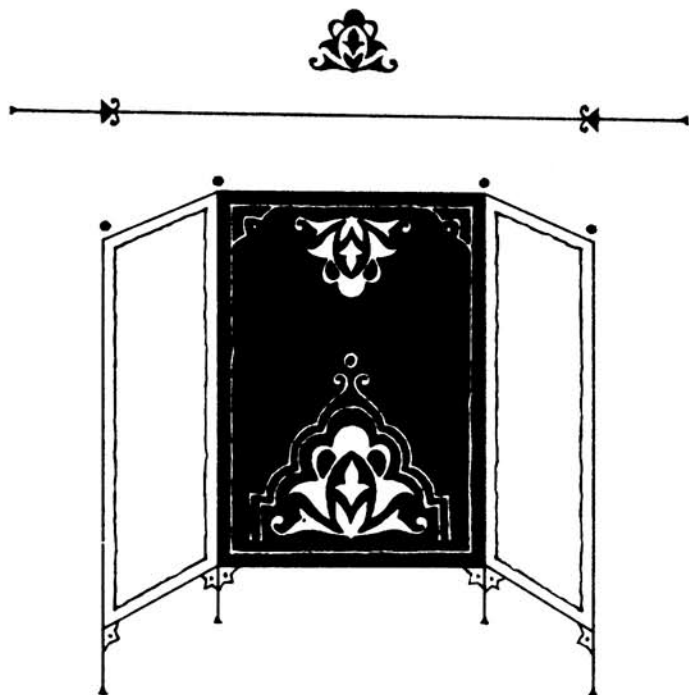
О прелести их с той поры
неустанно твердить я привык.
И сладостней повести этой
не знал ничего мой язык,
Но яд бесконечной разлуки
мне в самое сердце проник.
Тоскующим сердцем изведаль
я горечь его и постиг.
Не может намек на свиданье
утешить меня ни на миг,
Пока ты сама не отыщешь
дороги ко мне напрямик.
Утихнет врагов ликованье
и смолкнет завистников крик,
Коль сердцу окажешь ты милость,
решившись войти в мой цветник.
Твой стан кипариса стройнее, —
под сенью прилечь я хочу.

Как свежестью губ утолить,
вопреки пустословью, любовь?
Ты скорбное сердце навеки
окрасила кровью, любовь,
Наполнила жилы мои,
угрожая здоровью, любовь.
Но если безмолвно подкралась
в ночи к изголовью любовь,
Дервиш предается хуле,
а поэт — славословью, любовь.
Сметая преграды, сольется
навеки с любовью любовь,
И реки направить способна
от устья к верховью любовь.
Страдальца ты бросила в пламя
нахмуренной бровью, любовь.

Печальный Вагиф я,
внимай моему послесловью, любовь:
В разлуке с тобою, цветник мой,
бесчисленных встреч я хочу.

МУШКАРЕ

ВАГИФ И ВИДАДИ¹

Вагиф

Что печалит тебя, дорогой Видади?
Смелым сердцем ты вдруг погрузился во тьму
и заплакал.

День печали еще предстоит впереди,
А теперь, Видади, отвечай, почему ты заплакал?

Видади

Столковаться, Вагиф, я с тобой не смогу.
Если б нежность подкралась к тебе самому, ты б
заплакал.

Если б страсть у тебя поселилась в мозгу
И любовь твоему угрожала уму,—ты б заплакал.

Вагиф

Если сердца живого не кончился бой,
Все султаны и ханы ничто пред тобой,
Наслаждайся своей беспечальной судьбой!..
Почему ж огорчился ты, я не пойму, и заплакал?

Видади

Плач возник от любви, от ее чистоты,
А обида души — от ее доброты;
Если б все это сердцем почувствовал ты,
С утешением к другу спеша своему,—ты б
заплакал.

¹ Это произведение дается в отрывках.

Вагиф

Полной жизнью живи, не горюй, не грусти,
Легкомыслие нежной подруге прости,
Вытри слезы, они у нее не в чести.
Не захочется ей возвратиться к тому, кто заплакал.

Видади

Благочестия признак — живая слеза,
Правоверным она увлажняет глаза,
С ней светлеют умы и стихает гроза.
Нам повсюду сопутствует плач,— потому я заплакал.

Вагиф

Если б злая судьба у тебя отняла
И теленка и ту, что его родила,
И друзей увела, и спалила дотла
Все, что в сердце лелеял и прятал в дому,— ты б
заплакал.

Видади

Брось нелепые шутки, со мной говоря;
О погибшем теленке болтаешь ты зря.
Ведь, из рук Хазраткули дубинку беря,
Ты бы тоже пошел по пути моему и заплакал.

Вагиф

Нам разлука с любимой порой суждена,
И напрасно тебя угнетает она.
Словно туча, душа твоя стала мрачна,—
Прижимая ладони к лицу своему, ты заплакал.

Видади

Это молодость, друг мой, в тебе говорит,
Это в играх веселых твой разум парит,
Равнодушное сердце твое не горит.
Если б знал ты, что смерть угрожает всему,— ты б
заплакал.

Вагиф

Не проходят без горя ни свадьба, ни пир,—
Так устроен подлунный изменчивый мир,
Пусть покинул тебя твой лукавый кумир,—
Разливаться рекой молодцу ни к чему. Ты ж
заплакал.

Видади

Ты, как юноша, смотришь на чувство шутя
И еще увлекаешься всем, как дитя,
Но дубинку волшебную приобретаю,
Постарайся ее не отдать никому,— ты б заплакал.

Вагиф

Смысла в грусти твоей не могу я найти.
Погуляй, пошуту, не тоскуй, не грусти.
Как ребенок, что сбился случайно с пути
И не знает, как дом отыскать самому,— ты заплакал.

Видади

Все, что душу терзает и мучит — пойми,
Часто бурные чувства владеют людьми.
И какой ты прогулкой себя ни томи,
Но, почуяв, что сердце попало в тюрьму,— ты б
заплакал.

Вагиф

Не грустят о былом удалцы-храбрецы.
То, что пролил,— пропало,— учили отцы.
Зимних льдов не растопят слезами глупцы.
С наступленьем весны, видя птиц кутерьму, ты б
заплакал.

Видади

Ты старался, чтоб хлеб мы имели и соль,
А теперь нам остались лишь горечь и боль.

Простоквашей и просом питаться изволь.
Приглядевшись, ты б крикнул,—я слез не уйму!—и заплакал.

Вагиф

Вдоволь ешь простоквашу и хлеб просяной,
Развлекайся Джемшида прелестной женой,
Только к лакомству ты не тянись и не ной,—
Станет ядом оно. Пристрастившись к нему, ты б заплакал.

Видади

Простоквашу и просо ты мне предложил,
Чтобы впредь без душевной тревоги я жил.
Но и то, чем ты бредил и чем дорожил,
Превращается в яд, чтобы, глядя во тьму, ты заплакал.

Вагиф

Если сердце стучит, пусть ты согнут, как лук,
Пусть роняешь ты все из трясущихся рук
И далекий к тебе не доносится звук,—
Что тебе падишах? Не завидуй ему!—Ты ж заплакал.

Видади

Если ты уже на нос напялил очки,
Так тебе молодиться никак не с руки,
Всех мальчишек такие смешат старики.
Что за смех, ты сказал бы, я в толк не возьму,—
и заплакал.

Вагиф

Что ж ты сетуешь, стонешь, скулишь без конца
Так, что слезы ручьями стекают с лица?
Оступился ли конь, родила ли овца,
Ты б и в этом узрел неприятностей тьму и заплакал.

Видади

Ты не холишь, не ценишь, не любишь скота,
И мирская противна тебе суета,
Но ведь множество жен ты завел неспроста,
И, решив, что детишки тебе ни к чему,—ты заплакал.

Вагиф

Ты телят на своем не увидишь веку,
А к скотине твоей и к ее молоку
Каждый будет тянуться назло дураку,
Но сейчас почему же,—я в толк не возьму,—ты заплакал.

Видади

Если дьявол тебя соблазнил чем-нибудь
И толкнул на греховный и суетный путь,
Слишком падок на ласки изменниц не будь...
Я решил, что плутовку ничем не пройму, и заплакал.

Вагиф

К черту тех, что солгали, и тех, что ушли!
Из-за них не увяли красоты земли.
Надо сердце держать от бывшего вдали.
Ты же думал,—я горе слезами уйму,—и заплакал.

Видади

Человек беспечальный подобен скоту.
Если б мог ты лелеять былую мечту,
Ты сказал бы: я грусть уважаю и чту!
Ты решил бы: я сердца в тиски не зажму,—и заплакал.

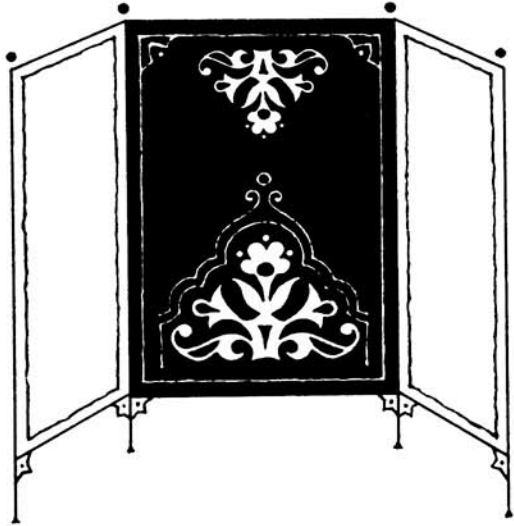
Вагиф

Чем ты болен, бедняга, понять я хочу?
Что бы я ни сказал,— я тебя огорчу.
Твой недуг излечить — не под силу врачу.
Ты решил, что разлука подобна бельму,— и
заплакал.

Видади

Весельчак на пиру ищет помощь слуги,
Он и сердце свое потерял и мозги,
Безразличны ему и друзья и враги,
Я ж измене друзей предпочел бы чуму,— и заплакал.
.....

МЕСНЕВИ

* * *

С тех пор уж протекло немало долгих лун,—
О гибели Лейли в слезах узнал Меджнун.

С рыданием разорвал свою одежду он
И поспешил туда, где прах был погребен.

В тоске бродил Меджнун среди надгробных плит.
Казалось, даже смерть его не исцелит.

Он мальчика спросил, стоявшего вдали:
«Не знаешь ли, в какой могиле спит Лейли?»

Которая из них скрывает милый прах?»
И мальчик отвечал с улыбкой на устах:

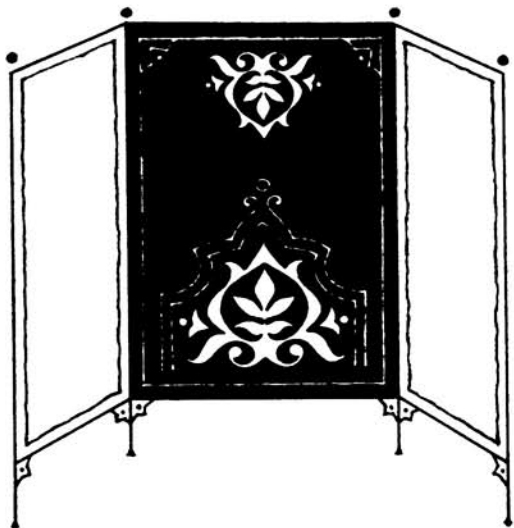
«Ужель не вразумил, Меджнун, тебя господь?
От каждой из могил возьми земли щепоть.

Где аромат любви исходит от земли,—
Поверь, в могиле той покоится Лейли».

И ты, Вагиф, свои слагая месневи,
У мальчика спроси о символах любви.

БЛЕГІЯ

* * *

На горе нам ты занемог,
недуг неизлечим, Джавад!¹
Угас ты в скорби и тоске,
конец неотвратим, Джавад!
Не дожил ты, не долюбил,—
ушел ты молодым, Джавад!
Хан Ибрагим осиротел,
седой он, словно дым, Джавад!
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад!
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

На радость всем людским сердцам
ты был рожден на этот свет.
Исполнен мудрой доброты,
как солнца утреннего свет.
Такой душевной чистоты
в подлунном мире больше нет.
Никто не вылечил тебя,
и ты погиб в расцвете лет.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад!

¹ Джавад — сын карабахского хана Ибрагим-Халил-хана.

Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Была безжалостной судьба,
неотвратим жестокий рок!
Он тело юное сломил,
румянец на щеках поблек.
И счастье горем стало вдруг,
и, рухнув, трон упал в песок.
И у стенающих людей
от скорби потускнел зрачок.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад.
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Согбенным стал печальный хан,
от горя он едва живой.
И обезумевшая мать
с открытой ходит головой.
Рыдают сестры,— стал не мил
им полуденный свет дневной.
И что ни день, то новый суд,
сулящий саван гробовой.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад!
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Горит невидимый пожар—
дворцы горят, дома горят.
Пылают в небе облака,
свергая вниз грома,— горят.
И листья сухо шелестят,
к ним смерть близка сама,— горят.
Все в мире плачет по тебе,
и все, сойдя с ума,— горят.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад!
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Твои прекрасные черты
мы не забудем никогда.
Слова— в них столько прямоты—
мы не забудем никогда.
Дела— источник доброты—
мы не забудем никогда.
Тот день, когда скончался ты,
мы не забудем никогда.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад!
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Непоправимая беда
в тоску повергла Карабах.
Не утихая никогда,
пылает скорбь во всех сердцах.

Роптанье горестной страны
находит отклик в небесах.
Рыдают горы и моря,
стон слышен в весях, городах.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад.
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

В безвестный край, в далекий путь
навек душа твоя ушла.
И пламя скорби все сильней,
и печень сожжена дотла.
Когда б о том, что всех нас ждет,
судьба ответственать могла!
Но над дорогою твоей
легла разлуки вечной мгла.
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад.
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Ты упование унес
и свет родительских очей.
О гордость наша, боль моя,
прекрасный месяц, сын ночей.
Глаза тоскуют без тебя,
ты нашим был, а стал ничей.
Закралось горе в грудь мою,
не подобрать вовек ключей.

Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад.
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

Стал вечным узником беды
тобой оставленный Вагиф,
Твоих следов легчайший прах,
живет он, смерть не победив.
Вздыхать он будет по тебе,
доколе в этом мире жив.
В ожогах печень и душа,
он плачет, плачет, повторив:
Ушел сардар Джавад от нас,
народом был любим Джавад.
Оделась трауром страна,
ты был неколебим, Джавад!
Тебя на свете больше нет,
ты мертв, ты недвижим, Джавад!

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Али—мусульманский святой; четвертый халиф после пророка Мухаммеда.

Аман—восклицание, выражающее мольбу о пощаде, призыв на помощь.

Амбра—благовонное вещество, широко применявшееся на Востоке.

Байрам—праздник.

Бейт—двустихие, заключающее в себе законченную мысль. Из бейтов состоят газели, месневи и другие стихотворные формы классической восточной поэзии.

Вали—правитель области, наместник. Этим титулом Вагиф именует и грузинского царя Ираклия II.

Видади Молла-Вели (1709—1809)—выдающийся азербайджанский поэт, близкий друг Вагифа.

Вилайет—административно-территориальная единица; область, край, провинция.

Газель—небольшое лирическое стихотворение любовного или философского характера, состоящее из шести—двенадцати двустихий—бейтов.

Гошма—форма азербайджанского народного (ашугского) стиха. Каждая строфа состоит из четырех строк. В первой строфе рифмуются вторая и четвертая строки. Эта же рифма повторяется в четвертой строке всех последующих строф, а первые три строки этих строф рифмуются между собой.

Гылман—мифическое существо, которому надлежит услуждать обитателей рая.

Гюлистан—цветник роз.

Гюльша—героиня поэмы азербайджанского поэта XVII века Месихи «Верга и Гюльша»; символ преданной и верной любви.

Дал—буква арабского алфавита, имеет вид согнутой под прямым углом линии.

Дастан—сказание; героическое или любовное повествование.

Джами Абдуррахман (1414—1492)—великий таджикско-персидский поэт, автор прославленной «Семерицы».

Джемшид (Джамшид)—мифический царь Древнего Ирана, по преданию, находившийся у власти семьсот лет и обладавший чудесной чашей, с помощью которой мог видеть все, что происходило в любой точке земли.

Джикка—головное украшение у азербайджанской женщины.

Земзем—священный колодец в Мекке около храма Кааба.

Зюлейха—жена египетского вельможи, влюбившаяся в Юсуфа (см.) и преследовавшая его. Не добившись своей цели, оклеветала его перед своим мужем. История Юсуфа и Зюлейхи легла в основу десятков поэм и поэтических преданий.

Игит—храбрец, исполненный доблести, отваги.

Имамы—близкие потомки пророка Мухаммеда и продолжатели его духовной миссии.

Ираклий—Ираклий II (1720—1798), царь Грузии, выдающийся государственный деятель и полководец.

Искандер—Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.); герой поэмы великого азербайджанского поэта конца XII—начала XIII в. Низами Гянджеви «Искандер-наме».

Искандера ключ—источник живой воды, который, по преданию, искал Александр Македонский.

Кааба—величайшая святыня мусульман, храм в Мекке, где хранится священный черный камень. Паломничество к Каабе составляет одну из важнейших основ ислама.

Казах—город в Азербайджане.

Калагай (келагай)—шелковый головной платок; составная часть национального наряда азербайджанской женщины.

Карун—мифический богач; по мусульманским преданиям, был проклят *Мусой* (см.) за скупость и поглощен землей вместе со своими сокровищами.

Кебаб—шашлык; символ страдающего сердца.

Кербела—город в Ираке, почитаемый мусульманами-шиитами как святыня.

Кыбла—сторона, к которой обращаются лицом мусульмане при молитве; направление в сторону Мекки.

Лал—рубин; в восточной классической поэзии обычное сравнение с устами красавицы.

Лейли—возлюбленная *Меджнуна* (см.); героиня арабского любовного сказания, на сюжет которого написаны поэмы Низами, Физули и многих других поэтов Востока.

Лукман—легендарный врачеватель; мудрец.

Марал—олень; символ красоты и изящества.

Мариам—мусульманская святая (соотв. библ. дева Марии).

Машаллах—дословно: «да сохранит аллах»; выражение похвалы, одобрения, восхищения.

Меджнун—букв.: «одержимый»; прозвище, данное арабскому поэту Кейсу за его безумную любовь к прекрасной Лейли.

Медина—город на Аравийском полуострове, почитаемый мусульманами как святыня; место погребения пророка Мухаммеда.

Мекка—священный город мусульман, религиозный центр ислама, расположенный на Аравийском полуострове.

Минбар—возвышение в мечети, с которого читается проповедь.

Михраб—ниша в мечети, ориентированная на восток—в сторону Мекки.

Мотал—кожаный мешок для хранения сыра; так называется и сам сыр, хранимый в таком мешке.

Муашшар—форма азербайджанского классического стиха, в котором каждая строфа состоит из десяти стихотворных строк. Первая строфа муашшара имеет одну общую рифму, которая повторяется в последней строке остальных строф.

Муса—библейский пророк Моисей; по мусульманским преданиям, Муса способен был творить чудеса.

Мускус—ароматическое вещество, добываемое из желез самца кабарги.

Мустезад—форма азербайджанского классического стиха, в котором длинные строки (14—15 слогов) чередуются с короткими (6 слогов). Длинные стихотворные строки рифмуются с длинными, а короткие—с короткими.

Мухаммас—наиболее распространенная форма азербайджанского классического стиха, состоящего из пятистиший. Первое пятистишие имеет одну общую рифму, повторяющуюся в последней строке каждой последующей строфы. Остальные четыре строки этих строф рифмуются между собой.

Мушаире—стихотворная переписка.

Нимтене—шелковая или бархатная женская блузка.

Рейхан—душистая трава, используемая как приправа к пище; базилик.

Саз—струнный музыкальный инструмент.

Санан—см. *Шейх-Санан*.

Сардар—военачальник, полководец, предводитель войск.

Сулейман—библейский мудрец, царь Соломон.

Тар(гара)—азербайджанский музыкальный струнный инструмент.

Теджнис—весьма распространенный в азербайджанской поэзии тип стихотворения, в котором все рифмующиеся слова являются омонимами. Теджнисы могут быть написаны в форме гошмы, газели, мухаммаса и пр.

Туба—мифическое райское дерево, с которым в восточной классической поэзии сравнивается стан красавицы.

Фархад—один из главных героев поэмы Низами «Хосров и Ширин». В восточной классической поэзии Фархад—олицетворение силы, мужества, верности в любви.

Хадиджа—жена пророка Мухаммеда; в поэзии олицетворение преданности и супружеской верности.

Хакан—то же, что и хан; титул правителя у древних тюркских племен.

Ханум—госпожа; почтительное обращение к женщине.

Хафиз—великий таджикско-персидский поэт-лирик XIV в.

Хосров—иранский шах, герой поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Хызр (Хизир)—мифическое существо; покровитель путников.

Чоха—верхняя мужская одежда из сукна.

Чувал—шерстяной мешок.

Шаль-тирмэ—головной убор азербайджанских девушек из шерстяной ткани.

Шамама—небольшая круглая душистая дыня; в азербайджанской поэзии с ней обычно сравнивают девичьи груди.

Шахиншах—букв.: «царь царей»; титул иранских шахов.

Шейх-Санан—герой популярного азербайджанского дастана. Будучи истым мусульманином, Шейх-Санан влюбился в

грузинскую красавицу и во имя своей любви принял веру возлюбленной—христианство.

Шекеристан—мифическая страна сахара и сладостей. Происходит от слова «шекер»—сахар, сладость.

Шербет—сладкий напиток со специями, смесью разных фруктовых соков и шафрана.

Ширин—букв.: «сладкий»; героиня поэмы Низами «Хосров и Ширин»; олицетворение верной и чистой любви.

Эфенди—господин, форма почтительного обращения.

Юсуф (Юсуф-Канан)—герой мусульманской легенды, близкой по сюжету к библейскому сказанию об Иосифе Прекрасном; символ красоты, целомудрия и благородства.

Яшмак—повязка, прикрывающая нижнюю часть лица женщины.

СОДЕРЖАНИЕ

Азиз Шариф. Певец любви, певец жизни 5

ГОШМА

«Ножи ресниц вонзая нам в сердца...» Перевод Т. Спендиаровой	15
«Бродя в саду, в тоске изнемогая...» Перевод Т. Спендиаровой.....	16
«Я душу за тебя отдать бы рад...» Перевод М. Замаховской	17
«Если бы в укромном уголке...» Перевод М. Петровых	18
«Наплачетесь, глаза, в разлуке с милой...» Перевод М. Петровых.....	19
«Не налюбуюсь красотой твоей...» Перевод М. Петровых	20
«Душистые, нежные кудри твои...» Перевод Т. Стрешневой.....	21
«Красотка, чьи кудри, как перья, легки...» Перевод Т. Спендиаровой	22
«Женщина, что сердцем хороша...» Перевод М. Петровых	23
«В разлуке с милою томлюсь давно...» Перевод М. Петровых	24
«Из бутона юной розы сотворил тебя аллах...» Перевод Т. Стрешневой	25

«Сгорела вера—нет ее во мне...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	26
«С тех пор как образ твой с моих сокрылся глаз...» <i>Перевод П. Карабана</i>	27
«Чужими друг другу мы стали давно...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	28
«Мне красавиц таких не видать во сне...» <i>Перевод М. Петровых</i>	29
«Скажи мне, ветер предрассветный, та...» <i>Перевод Н. Чуковского</i>	30
«В жгучих пытках душе все больней и больней...» <i>Перевод М. Петровых</i>	31
«Скажи, чем обидел любимую я?...» <i>Перевод Н. Чуковского</i>	32
«Едешь в Грузию ты? Есть красавицы там...» <i>Перевод Ш. Гатова</i>	33
«Пери, к тебе шел я без опаски...» <i>Перевод М. Петровых</i>	35
«При встрече с луноликой, чьи взоры—свет...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	36
«Темноглазая гонит меня в сердцах...» <i>Перевод М. Петровых</i>	37
«Где б встретиться с красоткой ни пришлось...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	38
«Не чуждайся меня! Пусть иные болтливы...» <i>Перевод М. Петровых</i>	39
«О Сафия, пою—и голос тих...» <i>Перевод М. Петровых</i>	40
«Не чванься дивной прелестью своей...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	41
«Губительным огнем я снова объят...» <i>Перевод М. Петровых</i>	42
«Нежнее ангела, стройней тубы...» <i>Перевод М. Петровых</i>	43
«Ты вся свежа и ароматна, как цветник...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	45

«Нет, никому я сердца не отдам...» <i>Перевод В. Бугаевского</i>	46
«Ты снизошла ко мне, мой дом посетила...» <i>Перевод М. Петровых</i>	47
«Разделил прямой пробор волосы твои...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	48
«О ты, что так же зла, как хороша...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	49
«Кромка шали, точно алый лепесток...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	50
«Попав к любимой, о письмо, со стоном...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	51
«Ради той, чья лесть сладка...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	52
«Ты, стрелы-ресницы мне в сердце вонзив...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	54
«Искусно подведенные сурьмой...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	55
«Нет в тебе недостатков, ты всем хороша...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	56
«О, создавший Мекку и Медину...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	57
«Тоской томим, айвы я стал желтей...» <i>Перевод В. Любина</i>	58
«Опять байрам. В домах—как в цветниках...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	59
«В бездну горя друга ввергла ты, во тьму...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	60
«Эй вы, посетители свадьбы,—кричу...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	61
«Взглянула—и дотла меня сожгла...» <i>Перевод А. Шпирта</i>	62
«Вокруг лица, подобного луне...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	63
«О красавица, ты дикой розы свежей!..» <i>Перевод В. Любина</i>	64

«Я красавицу видел—подобной ей нет...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	65
«Я над Курой не видел чернокудых...» <i>Перевод Ю. Фидлера</i>	67
«О пленительная, ты...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	68
«Задержите в полете удар крыла...» <i>Перевод В. Луговского</i>	70
«Точно уточки легки, раз из-за реки...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	71
«Из-под вуали глаза уголок...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	72
«С нетерпеньем жду гонца я издалика...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	73
«Когда, в пурпурный шелк облачена...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	74
«Подобна луку бровь твоя, щека смугла...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	75
«Если любишь, подойди и обними...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	76
«Ты Кааба, Кербела, Мекка, Медина моя!..» <i>Перевод В. Луговского</i>	77
«Прелесть гурий в белом теле, говорят...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	78
«Любимая, уста твои горят...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	79
«Жасмин кудрей, нарциссы глаз твоих...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
«Если, красное надев, ты сойдешь в цветник...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	81
«Наступил байрам. Как нам быть теперь?...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	82
«Берега Куры студеной красотой ласкают взгляд...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	83
«Палач моей души, судьбы моей тиран...» <i>Перевод В. Любина</i>	86
«Нет в мире радости тому, кто с милой разлучен...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	87

«В очах твоих, что, как огни, горят...» <i>Перевод П. Карабана</i>	88
«Напрасно жду хороших я вестей...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	89
«Беда с неразумной, с кокеткой шальной!..» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	90
«Ты, с грудью лебединой, с чашей кос...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	91
«О родинке нежной мечтаю и ночью и днем...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	92
«Перед красавицей с улыбкой неземной...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	93
«О ты, чья грудь как снег бела...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	94
«Кареглазая, стройней, чем кипарис...» <i>Перевод Б. Лебедева</i>	95
«Нам та, что слывет образцом доброты...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	96
«Щеки твои—словно маковые лепестки...» <i>Перевод В. Державина</i>	97
«Вновь ты здесь, вновь пронзила мне сердце стрела...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	98
«Ты затмеваешь блеск светил, о ангел мой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	99
«Кончик локона, жалу подобный змеи...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	100
«Забыл я бога, верой пренебрег...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	101
«Ты всех затмила дивной красотой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	102
«Две красавицы подруги...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i> ...	103
«Ветерок рассветный—смилуйся, ответь!..» <i>Перевод М. Петровых</i>	105
«Ранила в сердце меня сгоряча...» <i>Перевод П. Карабана</i>	107

«В ракушке рта жемчужины зубов...» <i>Перевод А. Старостина</i>	108
«В чем я виновен, милая, скажи?...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	109
«Не могу тебе поверить, если б даже захотела...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	110
«Если милая приходит, с чем сравнится счастье это?...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	112
«Нет, недостаточно красавицею быть...» <i>Перевод А. Старостина</i>	113
«Ах, лучше бы не было этой поездки!..» <i>Перевод М. Петровых</i>	114
«Ты моешь волосы. От них...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	115
«Твой стан — кувшин, а тело — что хрусталь...» <i>Перевод А. Старостина</i>	116
«Я влюблен, свиданья жажду, сам не свой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	117
«Я ждал тебя, и ты пришла и радость принесла с собой!..» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	118
«Ты нежнее всех красавиц, и стройна, и высока!..» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	120
«Красавица, чье тело мрамора белей...» <i>Перевод П. Карабана</i>	121

ТЕДЖНИСЫ

«О красавица! Губ твоих сладок шербет...» <i>Перевод В. Любина</i>	125
«Твой взгляд кокетливый меня пленил...» <i>Перевод А. Шпирта</i>	126
«Твой стан прекрасный покорила весь свет...» <i>Перевод А. Шпирта</i>	127
«Дыханье юга — ветерок зари...» <i>Перевод В. Любина</i>	128

ГАЗЕЛИ

«Своей весенней красотой цветок любой затмила ты...» <i>Перевод В. Державина</i>	131
«Если кто влюблен в невежду, в обольстительницу, тот...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	132
«Я мечтой к кудрям прикован, ароматным, как цветок...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	133
«Я — твой преданный раб. Неужели отвергнешь меня...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	134
«Кто заболел любовью к рассыпанным локонам — тот...» <i>Перевод В. Державина</i>	135
«Увидев лик твой, вмиг о солнце и о луне я вспомнил...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	136
«На прекрасную пери, что схожа с прозрачной луной, я обиделся...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	137
«О смеющаяся роза, я в разлуке кровью плачу...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	138
«Свет очей моих ясный — от милой письмо...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	139
«Все домой вернулись к ночи, нет лишь милой, не пришла...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	140
«Кто в Джебашире сочинит хотя б один красивый бейт...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	141
«Я очень рад был получить твое письмо, о Видади!..» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	142
«Не к лицу игиту зависть, презирает ложь игит...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	143
«Видади, ты на черствые эти сердца погляди...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	144

МУХАММАСЫ

«Ты цветок, но нежнее тебя не бывают цветы...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	147
«Такой возлюбленной, как ты прекрасной, не найти...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	148

«Эй, приятель, как чудесно расцвела твоя сестра!..» Перевод М. Петровых.....	149
«Милая,— за что, не знаю,— рассердилась на меня...» Перевод М. Петровых.....	150
«Сходит к нам она, покинув кущи рая утром рано...» Перевод Т. Спендиаровой.....	151
«Ах, томленье по ней смертным сном убивает меня!..» Перевод М. Замаховской.....	153
«Извела меня тоска— приходи ко мне, любовь...» Перевод А. Голембы.....	154
«Возлюбленную, чье лицо— цветущий мак, я полюбил...» Перевод М. Замаховской.....	156
«Ты— гибкая туба, в саду ты, словно кипарис, стройна...» Перевод М. Замаховской.....	158
«О ты, с лицом прелестной пери, с тобою встреч я жажду...» Перевод М. Замаховской.....	160
«Ангел мой жестокосердый, знай, меня отказ убьет...» Перевод Т. Стрешневой.....	162
«Ты отнимаешь жизнь,— ах, в сердце рана, пери!..» Перевод Т. Спендиаровой.....	164
«Скажи любимой, ветер утра, что изнемог Вагиф...» Перевод М. Замаховской.....	165
«Ты— ангела родная дочь. Мне жизни для тебя не жаль...» Перевод Л. Длигача.....	167
«Ты мила, как луна, ты свою доброту принесла...» Перевод Л. Длигача.....	169
«Царица правды, ты сюда пришла, как свет в ночи. Я жду!..» Перевод Л. Длигача.....	170
«Как я счастлив, что вновь ты явилась ко мне! О мой свет!..» Перевод Л. Длигача.....	171
«Шаль шуршащая чернеет на кудрях твоих, краса!..» Перевод А. Голембы.....	173
«Моя лукавая луна исчезнет поутру...» Перевод А. Голембы.....	175
«Вот она, хороша, как луна, тихо вышла из церкви...» Перевод М. Замаховской.....	177

«Мне нравятся в этом саду кипарис и платан...» Перевод В. Потаповой.....	179
«Головой к груди прижаться и на миг познать забвенье...» Перевод Т. Стрешневой.....	182
«Розоволикая моя, прикрыв лицо платком, стоит...» Перевод А. Голембы.....	184
«Если ищешь улады, красавицу ту полюби...» Перевод Т. Спендиаровой.....	186
«Зеленые, как изумруд, шальвары, друг мой, нам нужны...» Перевод В. Потаповой.....	188
«Ты превращаешься зимой в уладу рая, шуба...» Перевод Т. Спендиаровой.....	190
«Всю ночь мечтая о тебе, я не могу уснуть, ружье!..» Перевод В. Потаповой.....	192
«Ага мне подарил чоху, подобной нет у хана...» Перевод Т. Спендиаровой.....	194
«Нанесла ты мне много мучительных ран, борода...» Перевод В. Потаповой.....	196
«Я правду искал, но правды снова и снова нет...» Перевод К. Симонова.....	197

МУСТЕЗАДЫ

«Как прекрасна любимая пери! Она нарядилась...» Перевод Л. Длигача.....	201
«Если б снова, красотка, что схожа с луной, ты пришла...» Перевод Л. Длигача.....	202
«Когда спешешь, потупя взор, закрыться, как бутон...» Перевод Д. Бродского.....	203
«Надо золотом светлым расшить нимтене воротник...» Перевод Л. Длигача.....	205

МУАШШАРЫ

«Удивляются розы румянцу и нежности щек...» Перевод Л. Длигача.....	211
--	-----

«Кумир мой, услышать твою соловьиную речь я хочу!...» *Перевод В. Потаповой* 213

МУШАИРЕ

Вагиф и Видади. *Перевод Л. Длигача* 221

МЕСНЕВИ

«С тех пор уж протекло немало долгих лун...» *Перевод В. Потаповой* 229

ЭЛЕГИЯ

«На горе нам ты занемог, недуг неизлечим, Джавад!...»
Перевод Т. Стрешневой 233

Пояснительный словарь 238

ВАГИФ

Лирика

Редакторы

И. Бадалбейли и Р. Гузаиров

Художественный редактор

А. Максимов

Технический редактор

В. Нечипоренко

Корректоры

Г. Асланянц и Г. Ганапольская

ИБ № 5617

Сдано в набор 03.11.86. Подписано к печати 12.02.88. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,37. Усл. кр.-отт. 21,55. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 20 000 экз. Изд. № IV-2527. Заказ № 273. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 113054, Москва, Валовая, 28.

63163

